

Министерство просвещения РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

Каширина Светлана Игоревна

Выпускная квалификационная работа

**«Трагедия падшей женщины в рассказах А.М. Горького и повести А.И.
Куприна «Яма» (литературоведческий и методический аспекты)»**

Направление подготовки/специальность 44.03.05 Педагогическое образование

Направленность (профиль) Русский язык и литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

И.о. зав. кафедрой мировой литературы и
методики ее преподавания
канд. филол. наук, Полуэктова Т.А.

(дата, подпись)

Руководитель: старший преподаватель,
Шереметьева О.А.

(дата, подпись)

Дата защиты _____

Обучающийся: Каширина С.И.

(дата, подпись)

Оценка _____

Красноярск

2022

Содержание

Введение	3–7
Глава 1. Образ блудницы в мировой литературе и его трансформация	8
1.1. Культурно–исторический аспект явления «продажной любви».....	8–14
1.2. Образы продажных женщин–блудниц в зарубежной и русской литературах.....	14–22
Глава 2. Своеобразие изображения явления «продажной любви» в произведениях А.М. Горького и А.И. Куприна	23
2.1. Топос «История падения» в повести «Яма» А.И. Куприна и рассказах А.М. Горького («Однажды осенью», «Горемыка Павел», «Женщина с голубыми глазами», «Мальва», «Коновалов», «Васька красный», «Трое»).....	24–27
2.2. Топос «Детскости» в повести «Яма» А.И. Куприна и рассказах А.М. Горького («Однажды осенью», «Горемыка Павел», «Женщина с голубыми глазами», «Мальва», «Коновалов», «Васька красный», «Трое»).....	27–34
2.3. Топос «Физическое насилие», «Моральное насилие» в повести «Яма» А.И. Куприна и рассказах А.М. Горького («Однажды осенью», «Горемыка Павел», «Женщина с голубыми глазами», «Мальва», «Коновалов», «Васька красный», «Трое»).....	34–48
Заключение	49–51
Список литературы	52–55
Приложение 1. Урок литературы в 10–м класс «Свет Сониной души» (Образ Сони Мармеладовой в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»)	56–72
Приложение 2. Список публикаций и выступлений	73

Введение

Длительное количество времени в обществе существует и продолжает развиваться сложное и противоречивое явление, которое начинает свое существование с античных времен, как социальный и художественный элемент общества. Представители разных исторических эпох и литературных направлений обращались к данной болезненной для общества теме. Тема, о которой далее пойдет речь в данной работе – явление «продажной любви».

В античной литературе к этой теме обращались Киллистрат, Макон, Аристофан Византийский, Апполодор и Горгий, Лукиан. Начиная с эпохи Возрождения в разработку образа «падшей женщины» внесли вклад У. Шекспир, а позже Д. Дефо, Г. Филдинг, Г. Мопассан, Э. Золя, Ж.-К. Гюисманс «Марта. История падшей» и др.

В русской литературе к теме «продажной любви» обращалось большое количество писателей: М.Д. Чулкова, далее Н.В. Гоголь в повести «Невский проспект», М.Е. Салтыков–Щедрин «Запутанное дело», стихи и проза Некрасова («Когда из мрака заблужденья...», «Убогая и нарядная», рассказ В.В. Крестовского «Погибшее, но милое создание», роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?», повесть Н.Г. Помяловского «Брат и сестра», А.И. Левитов «Нрав московских девственных улиц», М.А. Воронов «Арбузовская крепость» и «Крым», повесть неизвестной в наши дни писательницы А. Луканиной «Палата № 103». Неоднократные попытки представить проституцию как великое социальное зло предпринимались писателями, пришедшими в литературу на исходе девятнадцатого столетия. Стоит упомянуть повести «Именинница» и «Марька из Ям» Е.Н. Чирикова и «Травля» Н.И. Тимковского, роман Л.Н. Толстого «Воскресение».

Уже с 1860–х гг. в литературе (Ф.М. Достоевский «Записки из подполья», «Идиот», А.И. Левитов «Погибшее, но милое создание», А.П. Чехов «Слова, слова и слова», «Припадок», Л.Н. Андреев «Христиане» и др.) разоблачается утопия о спасении падшей. Новым этапом в осмыслении сюжета становится «инверсия ролей блудницы и спасителя и появление

образа Спасительницы на месте падшей» (Соня Мармеладова из романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, Люба из рассказа Л.Н. Андреева «Тьма»). На рубеже XIX–XX вв. в русской литературе тема «продажной любви» продолжает развиваться в творчестве М. Горького, стихотворениях А.А. Блока и В.Я. Брюсова) и А.И. Куприна. В данной работе будет проанализировано творчество А.И. Куприна и А.М. Горького.

Изображение судьбы «падшей женщины» в творчестве А.М. Горького представлено целой чередой образов, описанных в следующих рассказах: («Однажды осенью», «Горемыка Павел», «Женщина с голубыми глазами», «Мальва», «Коновалов», «Васька красный», «Трое». Как отмечает Кулешов Ф.И., А.М. Горький считал, что: «Тут, как и во всех других случаях, говорил Горький, нужна безжалостная, неприкрашенная правда, только правда. Он хотел, чтобы книги об уличной женщине, правдиво и с гневом рассказывая о неравноправии людей, в конечном счете были призывом к борьбе за освобождение человека» [11, с. 19].

Еще один писатель, который осветил в своем произведении тему «продажной любви» – А.И. Куприн. Повесть «Яма» Александра Ивановича Куприна о жизни публичного дома была написана в 1909–1915 г., литературная критика восприняла данное произведение негативно, исключением явилось мнение К.И. Чуковского, который в статье «Новая книга А.И. Куприна» написал: «Повесть Куприна есть пощёчина всему современному обществу... они <проститутки> гадки, но чем они гаже, тем больше позора для нас. Нечего спасать их, воскрешать; их нужно не спасать, а уничтожать. Нужно так перестроить наш общественный быт, чтобы для ямы в нём не было бы места» [34, с. 870].

А.И. Куприн и А.М. Горький отразили одну из актуальных проблем, которая существовала и в XX в., и сейчас. Как пишет Кулешов Ф.И.: «Таким образом, демократические русские писатели–реалисты – каждый по–своему – дали почувствовать жуткую в своей обыденности трагедию женщины, вынужденной продавать себя, чтобы не умереть с голоду, сделали попытку

выявить социальную обусловленность проституции, возбудить в людях сострадание к «падшим созданиям», пробудить сознание своей вины перед ними» [11, с. 17].

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в современном литературоведении активно развивается гуманистическое направление, поэтому рассмотрение в данном аспекте тематики «продажной любви» в выбранных нами произведениях может способствовать возникновению новых открытий при анализе текстов А.И. Куприна и А.М. Горького.

Объект: Образ «падшей женщины» в рассказах и повести А.И. Куприна и А.М. Горького.

Предмет: смыслообразующие элементы образов «падших женщин».

Материал исследования: повесть «Яма» А.И. Куприна и рассказы А.М. Горького «Однажды осенью», «Горемыка Павел», «Женщина с голубыми глазами», «Мальва», «Коновалов», «Васька красный», повесть «Трое».

Цель – выявить особенность изображения образа «падшей женщины» в рассказах и повести А.И. Куприна и А.М. Горького.

Задачи:

1) исследовать специфику раскрытия темы «продажной любви» в мировой литературе;

2) определить черты в построении образа «падшей женщины» в творчестве А.И. Куприна и А.М. Горького на основе классификации топосов А.К. Жолковского;

3) выявить особенности реализации топосов в образе «грешницы» на примере творчества А.И. Куприна и А.М. Горького;

4) разработать урок по теме дипломной работы.

Методы, использованные в данной работе: культурно–исторический, сравнительно–сопоставительный.

Творчество А.И. Куприна и А.М. Горького освещается в работах следующих авторов: Ю.В. Бабичева [2, с. 373–394], Ф.И. Кулешов [11, с. 16–

20], Смирнова Л.А [30, с. 145–163] говорят в своих работах о всем творческом пути двух писателей, анализируя большую часть их произведений. Тема «продажной любви» и ее особенности в произведениях, которые выбраны для анализа, описаны следующими авторами: А.К. Жолковский, Н.Н. Мельникова, О.А. Симонова, Д.В. Минец, И.В. Синова. А.К. Жолковский [9, с. 317–368] в своей работе рассматривает произведения с точки зрения нахождения в них определенных топосов, но сравнения А.И. Куприна и А.М. Горького, а также анализа произведений Горького в работе не присутствует. Н.Н. Мельникова [18, с. 45–46] в статьях анализирует локусы греха, а именно «бордельное пространство» через оппозицию «свет–тьма» в повести «Яма» А.И. Куприна. В другой статье Н.Н. Мельникова [19, с. 110–111] показывает характеристику мифа о спасении блудницы в творчестве писателей XIX в. – начала XX в., подробно описывает эволюцию и изменения в мифе о спасении блудницы. О.А. Симонова в статье рассказывает о происхождении образа блудницы, говорит о том, что в рассказах А.М. Горького и повести «Яма» А.И. Куприна произошло обновление мифа о «возрождении» блудницы и обновление сюжета. Но ни в одной из этих работ нет сопоставления темы «падшей женщины» в творчестве Куприна и Горького на примере топосов, выделяемых А.К. Жолковским. Д.В. Минец [20, с. 12–13] в статье подробно анализирует локус публичного дома, его символическое значение, иерархию отношений бордельного пространстве в повести «Яма» А.И. Куприна. И.В. Синова [27, с. 16–18] в работе рассуждает о том, почему писатели обращали столь пристальное внимание к теме «продажной любви», достаточно подробно проанализирована повесть «Яма» А.И. Куприна, но анализ этот несет общий характер, без детального анализа героев. Дается небольшой анализ рассказов А.М. Горького «Женщина с голубыми глазами», «Девочка», «Болесть», который больше связан с основной идеей, чем с детальным анализом героев. Автор утверждает, что А.И. Куприн и А.М. Горький, как и ряд других

писателей, высказывали свое негативное отношение к регламентации «продажной любви», тем самым влияя на общество.

Новизна данной работы обусловлена тем, что практически не существует работ, в которых детально рассматриваются и сравниваются образы «грешниц» в творчестве А.И. Куприна и А.М. Горького. Теоретическая база данного исследования (классификация топосов А.К. Жолковского) впервые применяется при сравнительном анализе творчества А.М. Горького и А.И. Куприна.

Данная дипломная работа является практически значимой, так как ее материалы могут быть использованы в школе на уроках литературы по произведению Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», занятиях внеклассного чтения, элективного курса, во время педагогической практики.

Апробация материала дипломной работы прошла на двух международных конференциях:

1. Международная научно–практическая конференция «Поропановские чтения».

2. XXIII Международный научно–практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых «МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА», «Актуальные проблемы современной филологии» (Приложение 2).

Структура работы: дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения, приложений и списка литературы.

Первая глава раскрывает культурно–исторический аспект явления «продажной любви»; показывается эволюция развития изображения темы «продажной любви» в зарубежной и русской литературах.

Вторая глава иллюстрирует своеобразие изображения явления «любви за деньги» в произведениях А.М. Горького и А.И. Куприна на основе классификации А.К. Жолковского.

В приложении дается пример традиционного урока для 10 класса на тему: «Свет Сониной души» (Образ Сони Мармеладовой в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»).

Список литературы включает 35 источников.

Глава 1. ОБРАЗ БЛУДНИЦЫ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ

1.1 Культурно–исторический аспект явления «продажной любви»

С исторической точки зрения явление «продажной любви» практически во все времена оценивалось обществом отрицательно, в сфере права постоянно изменялось наполнение данного термина и законы, регулирующие деятельность «падших женщин». «Термин «проституция» происходит от лат. *prostituere* – выставлять вперед, выставлять на продажу. Он вошел в обиход в конце XVIII в., хотя сам феномен любви за деньги зародился гораздо раньше.

В.В. Романенко пишет о возникновении «продажной любви» следующее: «В 594 г. до н. э. в античных Афинах произошла институционализация проституции: государственным указом были организованы порнейоны – прототипы публичных домов, в которых содержались и оказывали сексуальные услуги вначале только азиатские рабыни, а позднее и гречанки из маргинальных слоев общества. Таким образом, изначально проституция не являлась, как это принято говорить, древнейшей профессией, поскольку в основе ее лежало насилие или нужда» [24, с. 310].

Другую версию возникновения высказывает Н.К. Мартыненко, доктор исторических наук, утверждает следующее: «Возможно неолитические представления о магии появления новой жизни, поклонение богине–Матери–родительнице легли в основу развившейся в последствие храмовой проституции. На Древнем Востоке в культурах Шумера, Вавилона, Финикии, Индии существовали религиозные ритуалы, связанные с сексуальными действиями. Выполнение требуемых религиозными обрядами сексуальных действий могли компенсироваться едой, деньгами» [17, с. 274].

Понятие «продажной любви» постоянно претерпевало изменения, это

было связано с проблемой того, что можно было считать данным явлением, а что в него не входило. Ключевым фактором при этом разделение стало наличие денежной платы. Подтверждение данному тезису мы можем найти в статье Н.К. Мартыненко: «С развитием общества происходила и трансформация половой морали, изменялись дефиниции проституции, отношение к ней, система ее социального контроля. В XVIII–XIX вв. под определение проституции попадали практически любые внебрачные сексуальные отношения, возмездные или безвозмездные, при этом речь шла исключительно о женщинах. Р. Вардлоу определял проституцию как «всякие недозволенные сношения между полами». Он не признавал различия между развратом и проституцией и называл публичной женщиной «всякую, которая за деньги, или безвозмездно, добровольно жертвует своей добродетелью» [17, с. 276].

К XIX в. понятие «продажной любви» приходит к той коннотации, которая закреплена до сих пор, В.В. Романенко пишет об этом следующее: «В течение XIX в. стал преобладать взгляд на проституцию как возмездную услугу. Позже в определении проституции появляется компонент самоидентификации и рода занятости. Согласно Д.Д. Ахшарумову, проституткой может считаться только женщина, живущая в доме терпимости и сама себя таковою объявившая. В XIX в. также происходит разделение понятия разврата от проституции. Согласно А.Х. Сабинину, под проституцией понимается любая половая связь, не основанная на любви и преданности, если при этом между сексуальными партнерами существует договоренность о денежной плате; в ином случае такие отношения необходимо классифицировать как разврат» [24, с. 311].

Понятие «продажной любви» в России так же имело свою трактовку и постоянно изменялось, об этом говорит в своей статье Н.К. Мартыненко: «В России термин «проституция» стал употребляться со второй половины XVIII в. во время правления Екатерины II. Позже были выведены главные ее признаки: вознаграждение и профессия. А остальное, так или иначе, с ними

связано: занятие временное или постоянное; основное или сопутствующее; скрываемое или не скрываемое; безразличное, отчужденное отношение или расположение к клиенту, и тому подобное, словом все то, что можно отнести к профессии (лат. *professio* – род, характер трудовой деятельности, служащий источником существования), но занятию аморальному» [17, с. 270].

«Любовь за деньги», как болезнь общества, начала свое существование еще со времен Древнего Рима, но параллельно ей существовало более культурное проявление данного явления, по большей части это касалось религиозных практик.

Ганс Лихт, выпустивший монографию «Сексуальная жизнь в Древней Греции», пишет следующее: «В греческой античности на продажную любовь смотрели без предрассудков. Дело не только в том, что женщины, которых можно было нанять за деньги, звались *гетерами (hetairae)*, что можно было бы перевести как «подательницы радости» или «подруги»; дело еще и в том, что об этих жрицах Венеры говорили и писали совершенно открыто и без тени смущения, а веселейшая роль, которую они играли в частной жизни, нашла свое отражение также и в греческой литературе» [5, с. 267].

Ганс Лихт указывает и на социальные особенности женщин, занимающихся «продажной любовью»: «Гетеры стояли на гораздо более высокой ступени и занимали куда более важное положение в частной жизни греков. От обитательниц публичных домов их отличали как уважение, которым они пользовались в обществе, так и образованность. ««Многие из них», – говорит Хельбиг, – отличались утонченной образованностью и бойким остроумием; они знали, как очаровать наиболее выдающихся деятелей своего времени, – полководцев, политиков, писателей и художников – и как надолго привязать их к себе; они являются наглядным воплощением существования, отмеченного смешением утонченных интеллектуальных и чувственных удовольствий, – существования, которое так почиталось греками того времени. В жизни почти каждой замечательной личности, игравшей выдающуюся роль в истории эллинизма, различимо влияние какой–

нибудь знаменитой гетеры. Большинство современников не находили в этом ничего предосудительного. В эпоху Полибия (XIV, 11) прекраснейшие здания Александрии носили имена прославленных флейтисток и гетер» [5, с. 274].

Дэвдатт Паттанаик в своей книге «Семь секретов Богини» пишет и другой стороне «продажной любви», более мрачной и пугающей: «Сначала как мужчина, так и женщина сами владели своими телами и свободно ими распоряжались. Мы знаем о храмовых проститутках на Ближнем Востоке и в Вавилоне, посвященных таким богиням любви, как Астарта и Митилла.

Одна из причин подъема храмовой проституции заключается в том, что мужчины взяли в свои руки всю экономическую деятельность в обществе, от животноводства и земледелия до торговли, не оставив женщинам другого выбора, кроме торговли своим телом ради удовольствия и своим чревом во имя продолжения рода. Слово «проститутка» стало бранным, поскольку лишь богачи могли позволить себе самых прекрасных женщин. Постепенно это слово стало обозначать всех женщин, которые по собственной воле выбирали своих любовников за деньги или отвергали их. В конце концов оно стало ассоциироваться с эксплуатацией, потому что женщины утратили право собственности на свое же тело. Тело женщины, как и земля, принадлежало отцу, брату, мужу и даже сыну. Женщина стала всего лишь полем; мужчина же был фермером, владельцем, клиентом и обидчиком. Ее ребенок теперь принадлежал мужчине – ее брату в матриархальных обществах или ее мужу в патриархальных» [21, с. 29-31].

В феодальной Европе появляются куртизанки, изначально данное понятие в Средние века обозначало женщин, которые прислуживали высокопоставленным лицам при дворе. Но в 16 веке данное понятие трансформируется, добавляется значение, связанное с «продажной любовью». С.И. Ожегов дает следующее «определение» понятию: «куртиза́нка, и, жен. (устар.). Женщина лёгкого поведения, имеющая покровителей в высшем обществе» [31, с. 1560]. Как мы видим, двойственность явления, которая существовала в Античность, сохраняется

далее – существует исторически–культурное, политическое и физическое, более низкое проявление так или иначе связанное с понятием «продажной любви». История знает много имен куртизанок, которые влияли на политику страны, они были умны и образованы. Например, Диана де Пуатье – жила на рубеже XV–XVI веков, была фавориткой короля Генриха II Французского. Диана де Пуатье фактически превратилась в королеву Франции. Генрих II не принимал решений без совета своей фаворитки, кроме того, он доверил ей вести дела королевства. Девушка даже вела переписку с Папой Римским. Еще один пример – Маркиза де Помпадур – она стала фавориткой Людовика XV. Маркиза была осведомлена о государственных делах Франции. Во время Семилетней войны общественность обвинили маркизу де Помпадур в начавшемся экономическом кризисе. Еще фаворитка Людовика любила искусство. Она поддерживала французских художников, скульпторов, писателей и поэтов. Маркиза выплачивала им деньги и часто заказывала свои портреты.

Похожее культурное явление существовало в Японии. Таких девушек там называли гейши. «Словарь русского языка» дает следующее «определение» понятию: «гэ́йша, –и, ж. Профессиональная танцовщица и певица в Японии, приглашаемая для приема и развлечения гостей (первоначально увеселявшая посетителей в так наз. чайных домиках)» [29, с. 304].

Задачей гейш в Японии было развлечь посетителей интересной беседой и танцами. О возникновении профессии гейш А.Л. Баркова пишет следующее: «Профессия гейш (букв. «человек искусства») возникла как ответвление от куртизанок в середине XVIII века именно под девизом «Мы продаем не тело, а искусство». Разумеется, это не мешало отдельным гейшам подрабатывать и сексуальными услугами (в частности, это касалось гейш, работавших на японских курортах – горячих источниках; см. Дэлби Л. Гейша. М., 2008), но подобный приработок всегда был нелегальным» [3, с. 165].

Важно отметить, что, как и в Античности, мужчины были у истоков

возникновения и развития искусства гейш, И.И. Дмитриева пишет об этом следующее: «Интересно, что первыми гейшами были не женщины, а мужчины. В XVII веке в больших городах Японии появились злачные районы, в которых отдыхали от повседневных забот японские мужчины. Все потребности удовлетворяли проститутки – юдзе, ну а культурные – гейся. Основным достоинством гейся было умение весело и остроумно поддерживать беседу. Они читали стихи, пели песни, танцевали, сопровождали мужскому пению, организовывали веселые игры. Основным музыкальным инструментом для гейся был трехструнный сямисэн. Вскоре женщины–гэйся стали так популярны, что полностью вытеснили с этой работы мужчин. И вот к началу XIX века термин «гэйся» (или гейша) стал обозначением исключительно женской профессии. Кстати, первые женщины–гейши не были красавицами, да и одеты были скромно по сравнению с проститутками юдзе.

Интимная близость с гейшей за деньги была делом исключительно редким, к тому же гейши не специализировались на каких–то особенных видах. А для того, чтобы сделать гейшу своей любовницей, мужчине было недостаточно хорошо заплатить – он обязательно должен был обладать или – элегантностью и утонченным стилем поведения. В отличие от юдзе, гейши работали не только и не столько в «злачных местах». Они приходили по вызовам и на дружеские мужские вечеринки» [7, с. 82].

О социальных причинах появления гейш пишет Ю.С. Чистюхина: «В XVII веке в больших городах Японии появились районы, в которых отдыхали от повседневных забот японские мужчины. Институт гейш входил в эту систему увеселительных заведений». Одновременно с этим в Японии существовала и проституция, которая в свою очередь подразделялась на 3 уровня – юдзё, ойран, таю» [32, с. 172].

Таким образом, существование деуки, гетер, куртизанок и гейш: это не однозначно отрицательное социальное явление, так как эти женщины выполняли религиозную или же социальную, политическую и культурную

функцию. Так куртизанки влияли на политические решения в стране, спонсировали искусство, а гейши изначально выполняли культурную функцию: они пели, танцевали и вели беседу на разные темы, для этого было необходимо иметь знания в разных сферах жизни. Но одновременно с этим или чуть позже развивалось низовое проявление «продажной любви», чье появление было связано с социальными проблемами общества – бедностью, рабством, безработицей и тд., когда женщины были вынуждены для пропитания торговать своим телом, такая ситуация возникала из-за того, что они не имели образования и подобный заработок был единственным вариантом.

1.2. Образы продажных женщин–блудниц в зарубежной и русской литературе

Образ грешницы многократно воспроизводился как в русской, так и в мировой литературе. Данный образ мы можем встретить и у античных авторов: «Овидий в начале своей книги «Наука любви» решительно подчеркивает, что он воспевает только любовь к гетерам, на которых не распространялись законы о браке. Он воспевает только любовь «вне закона». Значение проституции в жизни греков было так велико, что она породила даже особую, специальную литературу. Так, например, Киллистрат написал «Историю гетер», а Макон собрал наиболее остроумные изречения всех знаменитых куртизанок. Аристофан Византийский, Апполодор и Горгий собрали сведения о жизни ста тридцати пяти гетер, которые прославились у афинян и славные подвиги которых были достойны того, чтобы о них узнало потомство. Те из них, клиентами которых были военачальники, правители городов, жрецы и философы, подчинялись одному только ареопагу, между тем как все прочие проститутки зависели обыкновенно от низших судебно–административных учреждений» [33, с. 325–326]. Ганс Лихт упоминает в своей работе еще об одном античном произведении, в котором затрагивалась

тема «продажной любви: «До нас дошли остроумные «Разговоры гетер» Лукиана» [5, с. 303].

В Средние века образ «грешницы» так же нашел свое отражение в литературе. У. Шекспир в своей пьесе «Мера за меру» включает образ публичного дома и У. Шекспир не идеализирует его и делает больший акцент на тех людях, которые управляют публичными домами и их посетителями. Так, например, Перепрела, хозяйка борделя, переживает потерю клиентов: «Вот так–то: кого на войну, кого в больницу, кого на виселицу, кого в долговое. Этак скоро у меня ни одного клиента не останется». Узнав, что в предместьях собираются сносить веселые дома, она жалуется: «Вот так перемена в государстве! Что же со мной–то будет?». У нее не возникает мысли о том, что это поможет многим девушкам выйти из данной профессии, но ее больше заботит функционирование собственного «бизнеса» [22, с.1025].

Движение истории несомненно, но если мы сравним отношение к женщинам в Античность и в эпоху Просвещения, то сможем увидеть похожую ситуацию. И.М. Эрлихсон пишет об эпохе Просвещения следующее: «В общественном сознании главенствует архетип женщины, являющийся результатом причудливого симбиоза двух социальных моделей, обозначенных французским социологом Ж. Липовецким, как «первая» и «вторая» женщина. «Женщина – это необходимое зло, втиснутое в рамки лишенных всякой привлекательности занятий; это низшее существо, систематически недооцениваемое или же презираемое мужчинами. Такой вырисовывается перед нами социальная модель «первой женщины». После сформировалась новая социальная модель «второй женщины» – женщины, вызывающей восторги и поклонение... Первую женщину наделяли демоническими чертами и презирали; вторую женщину восхваляли, идеализировали и превозносили до небес. Однако в обоих этих случаях женщина пребывала в подчинении у мужчины, все мысли на ее счет

складывались в его голове и женщину определяли по отношению к нему: она была такой, какой ее хотел видеть мужчина» [35, с. 281–282].

Далее И.М. Эрлихсон отмечает своеобразие положения женщины в эпоху Просвещения и пишет следующее: «Иными словами, женщину «великодушно» допускают к знанию, но не ради нее самой, а чтобы сделать ее пребывание приятным для окружающих, для комфорта мужа и детей. Бурный поток советов и рекомендаций прекрасному полу относительно поведения в обществе, нарядов, занятий, любви, семейного счастья, супружеской верности, которыми полна публицистика конца XVII – начала XVIII вв., однозначно формирует парадигму зависимой роли женщины в общественном сознании Нового времени». Женщина так и остается в удобной для мужчин позиции, внешне ее допустили к образованию, но в действительности это «образование» касается очень узкой сферы жизни, которое не позволит функционировать женщине самостоятельно в обществе [35, с. 282].

Если говорить об эпохе Просвещения, то и тут присутствует образ «падшей женщины», особенно ярко он показан в творчестве Д. Дефо и его произведении – «Счастливая куртизанка, или история жизни и всевозможных превратностей судьбы мадемуазель де Бело, впоследствии именуемой графиней де Винтсельсгейм Германской, она же особа, известная во времена Карла II под именем леди Роксаны». А.А. Елистратова пишет об образе главной героини следующее: «Несколько особняком стоит последний роман Дефо – «Роксана». Если герои предыдущих романов, пройдя множество испытаний, достигали тихой пристани, то здесь Дефо отказался от такого завершения сюжета. История Роксаны трагичнее, причем психологический момент явно преобладает над приключенческим. Сам характер героини задуман сложнее и оригинальнее, чем, например, в романе «Молль Флендерс» [8, с. 148]. Как пишет А.А. Елистратова, данный роман можно рассматривать как один из первых образцов психологического романа нового

времени, здесь возникает трагический аспект психологизма, который по-новому показывает образ героя.

Л. Романчук пишет о зарождении психологического романа у Д. Дефо следующее: ««Роксана» во многом следует жанровой схеме, разработанной Дефо в предшествующих романах, хотя ни теория, ни поэтика романа еще не были в ту пору обоснованы в Англии. Согласно этой схеме, первейшей необходимостью считалось создать иллюзию полной достоверности, «всамделишности» всех историй, дневников и записок. В способе достижения этого Дефо во многом опирался на опыт плутовского романа – «пикарески» – зародившегося в XVI в. в Испании, а затем широко распространившегося в других странах Европы, а также репортерских отчетов о сенсационных преступлениях и уголовных процессах. Другим источником его творчества служили разного рода дневники, жизнеописания, исповеди. Сплав этих двух традиций или схем привел Дефо к своеобразному жанру, в котором приключения героя сопровождаются постоянным контролем и анализом им своих побуждений и действий, а психологические мотивировки и душевные преобразования неизменно приводят к действиям. В «Роксане» равновесие между этими двумя схемами сдвигается в сторону психологического начала, изменению которого придается такой же приключенческий характер и интерес, как и собственно приключениям в традиционном понимании этого слова. В некоторой степени по драматизму своих ситуаций «Роксана» предвосхищает последующий психологический роман» [25].

Если говорить об эпохе романтизма, то в ней проповедуется совершенно другое отношение к женщине, в литературе тема публичных домов и их обитательниц никак не продолжает уже существующую традицию. Лотман пишет об этом времени так: «Эпоха романтизма предоставила женщине одно из самых важных мест в культуре. Если раньше считалось, что мужчина должен быть воспитателем женщины, то теперь женщина становится поэтическим идеалом для мужчины, предметом поклонения. Женщине было

отведено место в сфере высоких чувств, а мужчина должен был быть защитником и служителем для этого хрупкого создания» [16, с.78].

Далее развитие образа «падшей женщины» находит свое отражение в реализме. Симонова О.А. выделяет следующие литературные школы, важные для истории развития образа «падшей женщины»: «Самые яркие образы были созданы в традициях натуралистической школы (Ж.–К. Гюисманс «Марта. История падшей», 1876; Э. Золя «Нана», 1880) и реализма (Г. Мопассан «Пышка», 1880; «Дом Телье», 1881; «Мадемуазель Фифи», 1882 и др.). В этих произведениях проститутка, движимая корыстолюбием и легкомыслием, оказывается обречена на порок, ее страдания не изображаются, она практически не рефлектирует над своим положением. Даже Мопассан, представляющий проститутку героиней, одерживающей моральную победу над другими персонажами («Пышка», «Мадемуазель Фифи»), характеризует ее положение как данность» [28, с. 86–87].

М.Е. Елизарова и Н.П. Михальская пишут о Э. Золя следующее: «И до Золя во французской литературе мы встречаем образы падших, но добродетельных женщин. Эстер из романа Бальзака «Блеск и нищета куртизанок», «Дама с камелиями» Дюма волновали современников Золя так же, как его «Нана». Но у Золя героиня несравненно теснее связана со средой, чем у его предшественников. Это «золотая муха», рожденная четвертым или пятым поколением пьяниц. Она вырастает в предместье, «рослая, красивая, с прекрасным телом, точно растение, возросшее на жирной удобренной почве». Обусловленность средой связана в творчестве Э. Золя с направлением, в русле которого он писал, натурализм разрабатывал проблемы глубоких изменений человека под воздействием общества и обстоятельств» [10, с. 60].

Мопассан так же в нескольких произведениях дает описание жизни «падшей женщины. «Заведение Телье» французский вариант «Ямы», здесь тоже описывается множество женских характеров, каждодневная вечерняя работа и совместный быт обитательниц публичного дома. Важно отметить,

что в творчестве Мопассана дается описание мужчины–проститутки, так как подобная ветвь при раскрытии темы «продажной любви» является самой маленькой по объему, такие образы редко встречаются в литературе: «Произведение «Милый друг» (1885), повествующее о жизненном пути журналиста Дюруа. Его судьба тесно связана с профессиональной деятельностью, можно даже сказать, предопределена ею. «Милый друг» построен как авантюрный роман с быстрым разворачиванием действия», – пишет отечественный литературовед Ю.И. Данилин. Также он утверждает, что «Мопассан поставил своей задачей обрисовать во весь рост тип мужчины–проститутки <...> Он хотел показать его как порождение и как одного из носителей атмосферы всеобщей продажности, провести его через мир журналистики и открыть ему дорогу к большой политической карьере» [1, с. 205].

Таким образом, Д. Дефо, С. Ричардсон, Г. Филдинг, Д. Мур, А. Золя, Ги де Мопассан внесли неоценимый вклад в разработку образа «падшей женщины». Как отмечает В.О. Возмилкина, «падшая» женщина – образ не новый, но вопрос о причинах ее падения, осуждение или оправдание ее поведения поднимается впервые в эпоху Просвещения, в условиях уже сложившейся буржуазной морали, в социальной романе, настаивающем на неразрывной связи общественных и нравственных закономерностей» [4, с. 88].

Изображение «продажной любви» находит свое отражение и в русской литературе. Подход и отношение к теме «продажной любви» в русской литературе кардинально отличается от зарубежной литературы, О.А. Симонова пишет следующее: «В русской литературе преобладает христианское восприятие образа: отношение к героине как к страдающему существу и авторская установка на спасение, заимствованная из евангельской истории». Основой для этого сюжета стали евангельские истории: «Сюжет «Спаситель и блудница» восходит к двум евангельским историям. В первой Христос защищает прелюбодейку от побивания камнями (Ин. 8, 2–11). Этот

сюжет (в т.ч. посредством апокрифической литературы) вошел в русскую культуру. В русской литературе XIX в. сюжет «Христос и грешница» нашел воплощение в поэмах А.И. Полежаева, А.К. Толстого, В.В. Крестовского, Д.Д. Минаева» [28, с. 87].

В русской литературе к теме «продажной любви» обращалось большое количество писателей: М.Д. Чулкова, далее Н.В. Гоголь в повести «Невский проспект», М.Е. Салтыков–Щедрин «Запутанное дело», стихи и проза Некрасова («Когда из мрака заблужденья...», «Убогая и нарядная», рассказ В.В. Крестовского «Погибшее, но милое создание», роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?», повесть Н.Г. Помяловского «Брат и сестра», А.И. Левитов «Нрав московских девственных улиц», М.А. Воронов «Арбузовская крепость» и «Крым», повесть неизвестной в наши дни писательницы А. Луканиной «Палата № 103». Неоднократные попытки представить проституцию как великое социальное зло предпринимались писателями, пришедшими в литературу на исходе девятнадцатого столетия. Стоит упомянуть повести «Именинница» и «Марька из Ям» Е.Н. Чирикова и «Травля» Н.И. Тимковского, роман Л.Н. Толстого «Воскресение».

Уже с 1860–х гг. в литературе (Ф.М. Достоевский «Записки из подполья», «Идиот», А.И. Левитов «Погибшее, но милое создание», А.П. Чехов «Слова, слова и слова», «Припадок», Л.Н. Андреев «Христиане» и др.) разоблачается утопия о спасении падшей. Новым этапом в осмыслении сюжета становится «инверсия ролей блудницы и спасителя и появление образа Спасительницы на месте падшей» (Соня Мармеладова из романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, Люба из рассказа Л.Н. Андреева «Тьма»). На рубеже XIX–XX вв. в русской литературе тема «продажной любви» продолжает развиваться в творчестве М. Горького, стихотворениях А.А. Блока и В.Я. Брюсова) и А.И. Куприна.

В своей статье «Образ блудницы в феминистской беллетристике начала XX в.» О.А. Симонова описывает эволюцию сюжета «Спаситель и блудница»: «Сюжет, согласно которому герой пытается спасти блудницу,

становится основным для русской классической литературы второй половины XIX вв. (Н.В. Гоголь «Невский проспект», Н.Г. Чернышевский «Что делать», Л.Н. Толстой «Воскресенье», В.М. Гаршин «Происшествие», «Надежда Николаевна» и др.). Позицию автора в таком отношении к героине А.К. Жолковский называет «проективно–утопической установкой на «спасение»». Новым этапом в осмыслении сюжета становится «инверсия ролей блудницы и спасителя и появление образа Спасительницы на месте падшей» (Соня Мармеладова из романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, Люба из рассказа Л.Н. Андреева «Тьма»). На рубеже XIX–XX вв. в русской литературе происходит обновление мифа о «возрождении» блудницы и обновление сюжета («романтизация» доступных женщин в рассказах М. Горького, снятие оценочности по отношению к грешнице в стихотворениях А.А. Блока и В.Я. Брюсова и повести А.И. Куприна «Яма» (1909–1915)» [28, с. 88].

Данный обзор и анализ произведений, в которых отражается тема «продажной любви», ясно показывает, что существует явное отличие между западной и русской репрезентацией данной темы: русская литературная традиция до XX в., который в культурном плане стал переломным, освещала тему «падших женщин» в христианском ключе. Для европейской же культуры такая реализация темы публичных домов и их обитательниц почти не свойственна, христианская традиция и надежда на спасение падшей там не реализуется.

Таким образом, явление «продажной любви», которое негативно оценивалось обществом во все времена, тем не менее продолжает существовать долгое время, подразделяясь на две противоположные линии, одна связана с религией и религиозными практиками, культурной составляющей страны; другая линия связана с социальным и нравственным неблагополучием общества.

«Любовь за деньги» находит свое отражение уже в литературе Античности и дальше только увеличивается количество произведений, так

или иначе затрагивающих тему проституции. Для европейской литературы характерно следующее: от эпохи Просвещения до XX в. европейская литература сохраняла почти неизменный взгляд на явление «продажной любви»: изображение «падших женщин» было связано с понятиями позора и изгнания.

В русской литературе и культуре преобладает совершенно другой взгляд на тему «продажной любви»: выдвигается христианское всепрощение образа «падшей женщины», обязательно связанное со спасением и состраданием. Но к XX в. в русской литературе также происходит обновление, миф «о спасении блудницы» претерпевает изменения, уходит оценочность по отношению к «падшим женщинам», в некоторых произведениях происходит романтизация данного образа.

Глава 2. СВОЕОБРАЗИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЯВЛЕНИЯ «ПРОДАЖНОЙ ЛЮБВИ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.М. ГОРЬКОГО И А.И. КУПРИНА

Данная практическая глава направлена на выявление особенностей в изображении явления «продажной любви» в творчестве писателей конца XIX в. – нач. XX в.

Для анализа произведений А.М. Горького и А.И. Куприна была выбрана классификация знаменитого лингвиста и литературоведа – А.К. Жолковского. В своем приложении «Топос проституции в литературе» к книге «Бабель» дается полный перечень топов, характерных для литературы, связанной с темой «продажной любви». Данная классификация была выбрана по следующим причинам: А.К. Жолковский дает полный и подробный список топов, что позволяет наиболее полно и емко проанализировать произведение. Также можно отметить, что исследование творчества А.И. Куприна и А.М. Горького, касающегося темы «продажной любви», мало изучено в контексте топов, выделяемых А.К. Жолковским, однако это представляет большой научный интерес.

А.К. Жолковский выделяет следующие топовы, характерные для литературы, которая связана с темой «продажной любви»:

1. Нарративный костяк. 1. Тематика и сюжет. 2. Персонажи.
3. «Двойничество».
2. Семейный комплекс: жена, дом. 1. Семья или публичный дом 2. «Полная хозяйка», самовар, чай.
3. Семья: дети, братья, сестры. 1. Дети. 2. Братья и сестры.
4. Секс. 1. Половые отношения. 2. Инициация. 3. Любовь и деньги.
5. Власть и насилие. 1. Физическое насилие. 2. Моральное насилие.
6. «Реальность». 1. «Правда». 2. Будничность, профессионализм, коммерция.
3. Медицина. 4. История падения.

7. Дискурс. 1. Фальшивая исповедь и китч. 2. «Литературность». 3. Ролевое поведение: «спасение». 4. Штампы; «русская женщина» [9, с. 318].

В произведениях А.И. Куприна и А.М. Горького отразился не весь комплекс топосов, выделенных А.К. Жолковским. В данной работе будут рассмотрены только 3 из них: топос «История падения», топос «Детскость», топос «Физическое/Моральное насилие».

2.1. Топос «История падения» в повести «Яма» А.И. Куприна и рассказах А.М. Горького («Однажды осенью», «Горемыка Павел», «Женщина с голубыми глазами», «Мальва», «Коновалов», «Васька красный», «Трое»)

Нами будут проанализированы рассказы А.М. Горького и повесть «Яма» А.И. Куприна, для того чтобы выявить специфику использования топосов авторами при обращении к традиции изображения «падших женщин». Список топосов выглядит следующим образом: «История падения», «Детскость», «Физическое насилие», «Моральное насилие». Следующие топосы были выбраны потому, что представляют собой основные, постоянно повторяющиеся мотивы, важные для раскрытия образа «падшей женщины».

Топос «История падения» имеет следующее наполнение, по мнению, А.К. Жолковского: «Одним из проявлений «документальной» установки рассматриваемых сюжетов является место, неизменно отводимое в них «подлинной истории» героини. На тему «реальности» работают: само содержание истории, полное тяжелых жизненных подробностей; обстоятельства ее рассказывания, в частности, писателю, репортеру, полицейскому – представителям «объективной» точки зрения; и часто применяемый прием постепенного выяснения «подлинных» фактов путем отметания «вымыслов» (см. ниже 7. 1. «Фальшивая исповедь»)» [11, с. 358]. В повести А.И. Куприна «Яма» данный топос также реализован, три обитательницы публичного дома рассказывают свои истории. Чаще всего

это связано с насильственными действиями со стороны взрослых: продажа ребенка собственной матерью, угрозы и изнасилование со стороны школьного учителя, насильственные действия со стороны студента: «Дети мои, кажется, у нас никогда не было случая, чтобы мы пускались друг с другом в откровенности, а вот я вам скажу, что меня, когда мне было десять с половиной лет, моя собственная мать продала в городе Житомире доктору Тарабукину. Я целовала его руки, умоляла пощадить меня, я кричала ему: «Я маленькая!» А он мне отвечал: «Ничего, ничего: подрастешь». Ну, конечно, боль, отвращение, мерзость... А он потом это пустил, как ходячий анекдот. Отчаянный крик моей души» [12, с. 460].

Данные истории акцентируют внимание на незащищенности девушек перед обществом, в котором они живут, любой человек, даже собственная мать, может надругаться над свободой собственного ребенка морально и физически. А.И. Куприн выбирает разные образы, через кого совершилось падение: мать, учитель, студент. Первые два образа – мать и учитель – призваны защищать и оберегать детей, но именно они у А.И. Куприна служат причиной «падения»: «– Ну, говорить, так говорить до конца, – спокойно сказала вдруг Зоя и улыбнулась небрежно и печально. – Меня лишил невинности учитель министерской школы Иван Петрович Сус. Просто позвал меня к себе на квартиру, а жена его в это время пошла на базар за поросенком, – было Рождество. Угостил меня конфетами, а потом сказал, что одно из двух: либо я должна его во всем слушаться, либо он сейчас же меня выгонит из школы за дурное поведение. А ведь вы сами знаете, девочки, как мы боимся учителей. Здесь они нам не страшны, потому что мы с ними что хотим, то и делаем, а тогда! Тогда ведь он нам казался более чем царь и бог». Другая обитательница публичного дома говорит об учителе: «– А меня студент. Учил у нас барчуков. Там, где я служила...» [12, с. 461]. А.И. Куприн показывает всю горькую иронию существования «падших женщин», еще до того, как они ими стали их предали значимые взрослые: мать, учитель, студент. Они не имели никакого права распоряжаться собой и дать

хоть какой–то отпор, предательство такого уровня потрясло их и изменило, заставило усомниться во всех людях без исключения и ожесточиться до крайней степени.

В рассказах А.М. Горького данный топос представлен не ярко, всего в двух рассказах из семи, героиня рассказывает полицейскому, который пытался самоутвердиться за счет положения несчастной вдовы, оставшейся без денег, что послужило началом «падения». В рассказе «Женщина с голубыми глазами», главная героиня становится «падшей женщиной» из–за того, что ее муж умер и ей не хватает денежных средств для обеспечения детей: «– Ей–богу, правда! – вдруг доверчиво склонилась она к нему. –На такое поганое дело иду – и стану я врать. Чего уж? Просто надо вести дело. Видите что – вдова я. Овдовела – муж–от лоцман, утонул в апреле в ледоход. Дети у меня, двое, – сын девяти годов да дочь семи. Достатков–то нету. Родных тоже. Сирота я взята была. А его, покойниковы, родные далече. Да и нелюбимая я ими... Как они достаточные, а я вроде нищей пред ними. Толкнуться–то некуда. Работать бы, конечно. Да много денег надо мне, не выработаешь с эстоль» [6, с. 22].

«История падения» женщин у А.М. Горького это не добровольный выбор, а выход из безнадежной ситуации, поставленный общественным устройством. В рассказе «Горемыка Павел» А.М. Горького девушка резко осталась без средств для жизни и дома, опять же возникает экономически неблагоприятная ситуация, единственный выход из которой – «продажная любовь»: «Она рассказала уже ему свою биографию, очень простую. Шестнадцати лет, когда она была горничной у купца, с ней совершенно неожиданно случился грех, за который её прогнали от купца и из дома её родных, мещан Кривцовых. Она, как всегда это случается, когда человека выгоняют и когда ему некуда деваться, очутилась на улице... Явилась благодетельница, потом – благодетель, ещё один благодетель, ещё один, ещё – и повалились, чёрт знает откуда, целые десятки благодетелей!.. Они валились в течение восьми лет до сегодня, в чём она со вздохом откровенно

призналась Павлу, Но он это знал и – кроме тоски – не ощутил при этом сообщении ничего особенного» [6, с. 36]. А.М. Горький не вводит мотив предательства близкого человека, как это сделал А.И. Куприн, но он также показывает беззащитное и гнетущее окружение женщин, которые вынуждены были пойти по «дороге греха». Ни один человек не пытался им помочь и не верил, что они несут на себе не так много ответственности за произошедшее, чем те, кто привел их туда.

Таким образом, в повести «Яма» А.И. Куприна топос «История падения» характерен тем, что через него акцентируется внимание на тех, кто служит катализатором «падения» – мать, учитель, студент. Можно сказать, что автор ярко указывает на проблемы, существующие в обществе, так как даже мать может продать собственного ребенка, а учитель может использовать свое положение для совращения ученика. А.И. Куприн в своей повести с помощью данного топоса раскрывает персонажей, как людей, которых предали в детстве или подростковом возрасте, а самое главное – показывает причину того, почему «падшие женщины» настолько жестоки, циничны, а порой и вульгарны – это маска, которая помогает им скрывать многолетнюю боль.

В рассказах А.М. Горького немного смещен акцент, так как там ведущую роль играет социальная обусловленность и трагические события, которые окружают героинь: бедность, социальная незащищенность. Тем самым автор обращает пристальное внимание на общество, где люди не имеют высокой социальной ответственности, такие люди как полицейский, не стремятся помочь человеку, который оказался в тяжелой жизненной ситуации, а использует эту ситуацию для того, чтобы возвыситься над человеком, который пытается спасти самое ценное в своей жизни – детей.

2.2. Топос «Детскости» в повести «Яма» А.И. Куприна и рассказах А.М.

Горького («Однажды осенью», «Горемыка Павел», «Женщина с голубыми глазами», «Мальва», «Коновалов», «Васька красный»,

«Трое»)

В 1909 г. А.И. Куприн пишет повесть «Яма» о жизни продажных женщин, чтобы показать трагедию их жизни, определить корни этого зла, наметить пути борьбы с ним. С исторической точки зрения явление «продажной любви» практически во все времена оценивалось обществом отрицательно, в сфере права постоянно изменялось наполнение данного термина и законы, регулирующие деятельность «падших женщин». Образ «падшей женщины» появляется в литературных произведениях, начиная с античных времен.

По мнению А.К. Жолковского, очень часто в произведениях о «продажной любви» встречается тема детскости и незрелости главных героинь. Эта тема может разрабатываться фабульно, т.е. путем изображения реального детства в составе «истории проститутки», но чаще – фигурально, путем подчеркивания инфантильности взрослых проституток. Детские черты сохраняются и в характере клиентов, причем «не только зеленых юношей, но даже и почтенных пятидесятилетних мужчин, почти дедушек» («Яма»; 230) (см. раздел 4) [9, с. 334–335].

В повести «Яма» А.И. Куприна тема детскости раскрывается через две группы, одна из самых больших – приравнивание клиентов публичного дома к детям. Чаще всего «детскость» клиента реализуется через портретную и поведенческую характеристику: «Здесь бывают все: полуразрушенные, слюнявые старцы, ищущие искусственных возбуждений, и мальчики – кадеты и гимназисты – почти дети...» [12, с 439]. Данное описание посетителей публичных домов связано с понятием детскости через беспомощность, первобытность инстинктов. Детскость посетителей указывает на неорганичность нахождения в публичных домах людей данного возраста; показано нравственное разложение общества, в котором практически дети посещают дом терпимости.

Чаще всего мы видим описание клиентов публичного дома глазами самих «падших женщин», но иногда встречается «детскость» в описании и со

стороны автора. Так, одна из героинь произведения, описывает клиента следующим образом: «Женя вспыхивает и отвечает с непритворной горечью: – Да! Еще бы! Тебе везет!.. У тебя все самые лучшие гости. Ты с ними делаешь, что хочешь, а у меня все – либо старики, либо грудные младенцы. Не везет мне. Одни сопливые, другие желторотые. Вот больше всего я мальчишек не люблю. Придет, гаденыш, трусит, торопится, дрожит, а сделал свое дело, не знает, куда глаза девать от стыда. Корчит его от омерзения. Так и дала бы по морде. Прежде чем рубль дать, он его в кармане в кулаке держит, горячий весь рубль–то, даже потный. Молокосос! Ему мать на французскую булку с колбасой дает гривенник, а он на девку сэкономил. Был у меня на днях один кадетик. Так я нарочно, назло ему говорю: «На тебе, миленький, на тебе карамелек на дорогу, пойдешь обратно в корпус – пососешь». Так он сперва обиделся, а потом взял. Я потом нарочно подглядела с крыльца: как вышел, оглянулся, и сейчас карамельку в рот. Поросенок!» [12, с. 503].

Этим эмоциональным монологом Женьки автор показывает ту боль и отчаяние, которые скрываются в душе каждой «падшей женщины»: ее жизнь каждодневно на протяжении многих лет представляет собой «кошмар», любой мужчина, приходящий в дом терпимости, может делать с «падшей женщиной» все, что угодно – бить, унижать, издеваться любыми способами, с этим связан топос «физического насилия», речь о котором пойдет дальше. Топос «детскости» при описании клиентов служит для того, чтобы показать, что уже молодые представители поколения, идут в дом терпимости для очередного унижения «падших женщин», это своего рода традиция, которую поддерживают многие взрослые мужчины, которые, когда–то, возможно, были причиной того, что девушка попала в дом терпимости. Так как была распространена ситуация, когда дворянские дети с помощью силы порочили честь девушек–служанок, после чего их выгоняли из этого дома. Тем самым топос «детскости» переплетается с топосом «история падения».

Еще одна героиня так же сравнивает клиента с ребенком: «– Вот так

штука! Скажите, младенец какой! Таких, как вы, Жорочка, в деревне давно уж женят, а он: «Как товарищ!» Ты бы еще у нянюшки или у кормилки спросился! Тамара, ангел мой, вообрази себе: я его зову спать, а он говорит: «Как товарищ!» Вы что же, господин товарищ, гувернан ихний?» [12, с. 563]. Почти при любом обращении со своими клиентами, а особенности с юношами, «падшие женщины» постоянно иронизируют над посетителями, тем самым пытаюсь возвысить себя и хоть ненадолго почувствовать себя достойнее.

Данное описание помогает увидеть отношение самих «падших женщин» к своим посетителям. «Детскость» клиентов чаще всего связывается с первым посещением молодых людей публичного дома, это действие сопровождается стыд, страх, отвращение и тд. «Падшие женщины» иронизируют и смеются над «кадетиками», которые сами не понимают и боятся того места, в которое пришли. Своим «несерьезным» поведением такие клиенты вызывают неприятие и насмешку у обитательниц публичного дома.

А.И. Куприн дает описание, связанное с «детскостью» только два раза, но именно в них «детскость» связана с проявлением глубинных эмоций подростков, которые посещают дом терпимости: «Полуодетый Коля вдруг бросил свой туалет, сел на кровать около Женьки и, закрыв ладонями лицо, расплакался искренно, совсем по-детски...» или «Петров сидел на стуле одетый, но весь красный, суровый, с надутыми по-детски губами, с опущенными глазами» [12, с. 564]. Топос «детскости» связывается тут с мотивов о чистоте детской души, которая способна на искреннее проявление эмоций, благородство души и поступков. Тем самым А.И. Куприн показывает, что в душах эти подростков случился важный эмоциональный и духовный переворот.

Вторая группа связана с приравниванием самих «падших женщин» к детям, через это показывается их беззащитность и открытость к любым невздам и оскорблениям, яркость реакции на все происходящее. Одно из

описаний «падших женщин» А.И. Куприна выглядит так: «Такая навязчивость входила в круг их негласных обязанностей. Между девушками существовало даже какое-то вздорное, детское, странное соревнование в умении «высадить гостя из денег», – странное потому, что они не получали от этого никакого барыша, кроме разве некоторого благоволения экономки или одобрительного слова хозяйки. Но в их мелочной, однообразной, привычно-праздной жизни было вообще много полуребяческой, полуистерической игры» [12, с. 447]. Возможно, это показано для того, чтобы показать, как бедна позитивными эмоциями жизнь обитательниц падшего дома, которые пребывают в своеобразном дне сурка – только день этот в основном наполнен болью и унижениями, но «падшие женщины», которые чаще всего получали желтый билет будучи еще детьми, остаются на детском этапе развития в эмоциональной сфере совершаемых действий, также это может быть связано с тем, что детство, это лучшее время в жизни каждого человека, поэтому неосознанно «падшие женщины» пытаются вернуться в это время через игру, которая характерна как ведущий вид деятельности именно для детей.

Почти во всех описаниях поведения или внешности обитательниц падшего дома у А.И. Куприна проявляется топос «детскости»: «Она жива, суетлива, любопытна, во все лезет, со всеми согласна, первая знает все новости, и если говорит, то говорит так много и так быстро, что у нее летят брызги изо рта и на красных губах вскипают пузыри, как у детей» или «Свежее веснушчатое лицо Любы приняло кроткое, почти детское выражение, а губы как улыгнулись во сне, так и сохранили легкий отпечаток светлой, тихой и нежной улыбки» [12, с. 440]. Данные описания показывают живую непосредственность женщин и душевную чистоту, которую они сумели сохранить в трудных жизненных обстоятельствах. Автор тем самым показывает, что чем бы не занимались эти «падшие женщины», в них больше человечности и достоинства, чем в тех людях, которые ежедневно над ними издеваются.

Многие поведенческие характеристики «падших женщин» связаны с умственной характеристикой, чаще всего акцентируется внимание на том, что они в своем развитии остановились на «детском уровне»: «Ее умственное развитие, ее опыт, ее интересы так и остаются на детском уровне до самой смерти, совершенно так же, как у седой и наивной классной дамы, с десяти лет не переступавшей институтского порога, как у монашенки, отданной ребенком в монастырь» [12, с. 580]. Этим описанием еще раз подчеркивается и подтверждается идея о том, что «падшие женщины» превращаются во взрослых детей, чтобы защитить свою израненную душу. А.И. Куприн выстраивает целую сеть из топосов, которые раскрывают всю незащищенность и боль каждой женщины из публичного дома. «Лихонин ни за что не хотел примириться, обучая ее арифметике, с ее странным, варварским, дикарским или, вернее, детским, самобытным способом считать» [12, с. 583]. Возможно, автор дает эту характеристику, чтобы показать насколько большая пропасть отделяет обычных людей, которые занимаются «достойной работой» от «падших женщин», которые из-за того, каким образом они попали в профессию, и кто этому поспособствовал, как проходил каждый их день, неизбежно и безвозвратно изменились, стали эмоциональными инвалидами.

Другой пример показывает «падшую женщину» как человека, которой не приспособлен к обычной жизни, не умеет выполнять функцию взрослого: «Она была нерасчетлива и непрактична в денежных делах, как пятилетний ребенок, и в скором времени осталась без копейки, а возвращаться назад в публичный дом было страшно и позорно» [12, с. 587]. Этот пример с другой стороны раскрывает «детскость» героинь повести, до этого мы уже видели – внешнюю, эмоциональную, поведенческую и интеллектуальную характеристику «падших женщин». Тем самым автор создает полноценный образ, пронизанный со всех сторон детскими мотивами, чтобы показать, что героини застыли в своей детской форме. Которая позволяет им выживать в мире, полностью направленного против них.

В конце произведения «Яма» А.И. Куприна еще раз подчеркивается

трагическая судьба всех женщин, находившихся в публичном доме, идет указание на их детскую наивность и незащищенность: «И все эти Генриетты Лошади, Катьки Толстые, Лельки Хорьки и другие женщины, всегда наивные и глупые, часто трогательные и забавные, в большинстве случаев обманутые и исковерканные дети, разошлись в большом городе, рассосались в нем» [12, с. 610].

Таким образом, трагическая судьба всех женщин, находившихся в публичном доме, связана с их психологической незрелостью, выражающейся в детской наивности и незащищенности. А.И. Куприн акцентирует внимание на том, что девушки, проживающие в публичных домах, вовлекались в профессию совершенно юными, поэтому их психологическое развитие останавливалось на детском уровне, чтобы реальность каждого дня доставляла меньше боли. А общество причинило и продолжало причинять травмы этим «маленьким детям», которые погрязли в «яме» и никак не могли выйти из нее в силу своей незрелости.

Если рассматривать произведения А.М. Горького на предмет присутствия в них топоса «Детскости», то из 7 рассказов А.М. Горького, взятых для анализа, только в одном – «Женщина с голубыми глазами», присутствует топос «Детскости», в данном случае он представлен через реальных детей, ради которых главная героиня совершает свое «падение». Важно заметить, что только в одном рассказе история падения женщины связана с детьми и с жертвенностью, так как главная героиня совершает падение не для себя, а для детей: «–Ей–богу, правда! – вдруг доверчиво склонилась она к нему. – На такое поганое дело иду – и стану я врать. Чего уж? Просто надо вести дело. Видите что – вдова я. Овдовела м муж–от лоцман, утонул в апреле в ледоход. Дети у меня, двое, – сын девяти годов да дочь семи. Достатков–то нету. Родных тоже. Сирота я взята была. А его, покойниковы, родные далече. Да и нелюбимая я ими... Как они достаточные, а я вроде нищей пред ними. Толкнуться–то некуда. Работать бы, конечно. Да много денег надо мне, не выработаешь с эстоль. [6, с. 22]

Женщине не жалко себя, она готова почти на все для своих детей, несмотря на душевные муки, она готова переступить через себя: «Прошлую ярмарку наша же одна женщина четыреста с лишком схватила! Теперь за лесника вышла с деньгами–то, и барыня себе. Живёт... А ежели стыд... конечно, зазорно... Но только... и то ведь рассудите... Судьба, значит... Всегда уж судьба. Пришло вот мне на ум такое дело – так, значит, и надо – указание это мне от судьбы... И удастся оно – хорошо... не удастся, а только муку да позор приму... тоже судьба. Да...» [6, с. 23]. Через жертвенный поступок во имя детей показывается нравственная глубина главной героини и глубокие проблемы в жизни общества, где мать–одиночка может достойно жить и воспитывать своих детей только с помощью «продажной любви».

Анализ художественных текстов А.И. Куприна и А.М. Горького показал, что Алексей Максимович Горький практически не реализует в своих произведениях топос «детскости», а там, где он его использует, детскость тесно связана с личной жертвой. В повести «Яма» Александра Ивановича Куприна топос «детскости» активно встроен в текст: автор использует его для подчеркивания невинности и незащитности проституток, при описании их внешности/поведения. Этот топос подчеркивает ужас того, что приходится переживать женщинам, которые близки по своему эмоциональному развитию детям. Так же «детскость» появляется и при описании некоторых посетителей публичного дома, которые ведут себя неуклюже, испытывают стыд, краснеют при виде девушек, топос «детскости» подчеркивает ведомость таких людей, показывает, что они идут в дом терпимости потому, что их обязывает сделать это «взрослый», которому они подчиняются, как дети.

2.3. Топос «Физическое насилие», «Моральное насилие» в повести «Яма»

**А.И. Куприна и рассказах А.М. Горького («Однажды осенью»,
«Горемыка Павел», «Женщина с голубыми глазами», «Мальва»,
«Коновалов», «Васька красный», «Трое»)**

Топос «Моральное насилие», «Физическое насилие» имеет множество вариаций отражения в тексте, А.К. Жолковский пишет следующее: «Властные стратегии лежат в основе всякого дискурса, но во многих текстах о проституции они специально тематизируются. Борьба за господство идет прежде всего между героем и героиней; иногда героине или им обоим противостоят антигерой, антигероиня или персонажи фона. Насилие может принимать как физические, так и утонченные моральные формы» [9, с. 350]. Физическое насилие, по мнению А.К. Жолковского, может иметь следующие формы: «Простейший тип такого насилия – это *«побои»*. Крайнюю форму насилия составляет *«убийство»*. Близко к убийству располагается *«самоубийство»*, до которого жизнь доводит проститутку; есть и промежуточные и смешанные случаи. Специфическим, хотя и самоубийственным, средством «ответного насилия» со стороны проститутки является, так сказать, биологическое оружие – *«заражение клиента сифилисом»*» [9, с. 350–351].

В повести А.И. Куприна «Яма» физическое насилие представлено через побои, убийство, самоубийство, ответное насилие со стороны проститутки через заражение клиента сифилисом. Ситуация, связанная с побоями, дважды упоминается в тексте и оба раза акцентируется внимание на безнаказанности, которая сопровождает любого, кто хочет поиздеваться над «падшей женщиной»: «Таким-то образом Сонька Руль, минуя рублевое заведение, была переведена в полтинничное, где всякий сброд целыми ночами, как хотел, издевался над девушками» [12, с. 456]. А.И. Куприн, реализуя топос детского насилия чаще всего прибегает к достаточно натуралистичным и ярким картинам, многие физиологические процессы описываются подробно, тем самым картина жизни в публичном доме становится максимально давящей и ужасающей.

Мужчины, приходящие в дом терпимости, совершают циничные поступки, за которые девушки могут расплатиться собственной жизнью:

«Потом он вышел из номера на минутку, как бы по своим делам, и исчез навсегда. Суровый косоглазый швейцар довольно долго, молча, с деловым видом, сопя и прикрывая Любкин рот рукой, колотил ее. Но, наконец, убедившись, должно быть, что вина не ее, а гостя, отнял у нее кошелек, в котором было рубль с мелочью, и взял под залог ее дешевенькую шляпку и верхнюю кофточку» [12, с. 462]. Многие пользуются зависимым положением женщин, находящихся в публичном доме, совершают гнусные поступки: «Другой, очень недурно одетый мужчина лет сорока пяти, промучив девушку часа два, заплатил за номер и дал ей восемьдесят копеек; когда же она стала жаловаться, он со зверским лицом приставил к самому ее носу огромный, рыжеволосый кулак и сказал решительно: «– Поскули у меня еще... Я тебе поскулю... Вот вскричу сейчас полицию и скажу, что ты меня обокрала, когда я спал. Хочешь? Давно в части не была?». В другой части работы уже говорилось о том, что социальная ответственность за происходящие в обществе процессы не привлекала основную массу. Автор углубляет эту проблему еще больше, когда показывает, что любой человек, входящий в публичный дом, может сделать с «падшей женщиной» что угодно и никто этому не помешает, показана катастрофа каждодневного существования женщин и девушек [12, с. 465].

Убийство в повести «Яма» А.И. Куприна связано с жертвенным поступком одной из проституток, которая решила совершить двойное самоубийство со своим возлюбленным. Дилекторский не верил в то, что действительно сможет убить себя, для него это была «игра», Вера же настолько любила Дилекторского, что не хотела оставаться в этом мире без него: «Он убил ее, и когда посмотрел на ужасное дело своих рук, то вдруг почувствовал омерзительный, гнусный, подлый страх. Полуобнаженное тело Верки еще трепетало на постели» [12, с. 599].

Одно из крайних проявлений топоса «физического насилия» является самоубийство, в повести связано с одной из главных героинь – Женькой, которая решила умереть после того, как узнала, что больна сифилисом от

одного из своих клиентов. Для «падшей женщины» сифилис означал только одно – либо смерть от голода, так как с такой болезнью запрещено работать, либо жалкое существование на улице: «Женька висела посреди ватерклозета на шнурке от корсета, прикрепленном к ламповому крюку. Тело ее, уже неподвижное после недолгой агонии, медленно раскачивалось в воздухе и описывало вокруг своей вертикальной оси едва заметные обороты влево и вправо» [12, с. 601].

Еще одно проявление социального безответственности и завершение существования цикла «падшей женщины» завершается на другом человеке, сначала они приходят в профессию по причине совращения или обмана, а после некоторые клиенты могут заразить их сифилисом, что еще больше усугубляет их и без того тяжелое положение, единственный личностный выбор, который они могут себе позволить – каким способом умереть. Безысходность положения с помощью этого топоса достигает невообразимых размеров.

Ответное насилие со стороны проститутки через заражение клиента сифилисом опять же с Женькой, которая выражала свою агрессию и боль от погубленной жизни: «Женька прошептала ей что-то на ухо. «– Да это – глупости», – сказала Ровинская, – несколько месяцев лечения, и все пройдет. Нет, нет, нет... Я хочу всех их сделать больными. Пускай они все сгниют и подохнут. «– Ах, милая моя», – сказала Ровинская, – я бы на вашем месте этого не сделала» [12, с. 581]. Такая форма ответного насилия вторая возможность проявить свою волю, показана вся боль и тоска героини, которая хочет показать миру хоть один процент то боли, которую она испытывает каждый день.

Топос «Физическое насилие» реализуется в рассказах А.М. Горького следующим образом: в рассказе «Васька Красный» обилие картин физического истязания: «Впрочем, жестокость наказания зависела не столько от характера виновной, сколько от степени её вины и симпатии Васьки. Иногда он и смелых девиц порол без всяких предосторожностей и пощады; у

него в кармане шаровар всегда лежала плётка о трёх концах на короткой дубовой рукоятке, отполированной частым употреблением. В ремни этой плётки была искусно вделана проволока, из которой на концах ремней образовывалась кисть. Первый же удар плётки просекал кожу до костей, и часто, для того, чтобы усилить боль, на иссечённую спину приклеивали горчичник или же клали тряпки, смоченные круто солёной водой». Приёмы наказаний не ограничивались только этими, нет – Васька был неисчерпаемо разнообразен, и его изошрённость в деле истязания девиц возвышалась до творчества» [6, с. 103]. Физическое насилие составляет практически половину текста, Васька Красный искалеченный человек, как и эти девушки, только о его внутренней боли не говорится открыто, что послужило причиной его ожесточения, душевной черствости.

В данном рассказе есть и обратная ситуация, в которой проститутки избивают своего мучителя: «– Девки! – ревел он, страшно вращая глазами. – Берегись!.. Убивать буду!.. Но они прыгали вокруг его кровати и щипали, рвали его за волосы, плевали в лицо ему, дёргали за больную ногу. Их глаза горели, они смеялись, ругались, рычали, как собаки; их издевательства над ним принимали невыразимо гадкий и циничный характер. Они впали в упоение мстью, дошли в ней до бешенства. Все в белом, полуодетые, разгорячённые толкотнёй, они были чудовищно страшны» [6, с. 106]. Как и А.И. Куприна «падшие женщины» изливают свою боль тем же способом, что им ее и наносят, они хотят отомстить и возвыситься над теми, кто каждый день их унижает. В рассказе отражена важная для понимания героя деталь, именно в тот момент, когда девушки пришли мстить главному герою, чувство голода становится самым сильным: «Они говорили негромко, но внушительно и, окружив его постель, смотрели в его серое лицо злыми и радостными глазами. Он тоже смотрел на них, и никогда раньше в его глазах не выражалось так много неудовлетворённого, ненасытного голода, – того непонятого голода, который всегда блестел в них» [6, с. 107].

Возможно, голод, о котором говорит автор, связан с душевным голодом,

желанием чувствовать по отношению к себе сострадание, милосердие и любовь. Но голод в глазах Васьки Красного пропадает тогда, когда ему на помощь приходит девушка, которую он избил, она также и останавливает других девушек, когда те в безумстве истязают Ваську Красного. Главный герой видит, что, не смотря на его ужасное поведение, кто-то может проявить в отношении него сострадание и любовь, чего лишен он сам. Данная ситуация является кульминацией рассказа, в главном герое происходит нравственный переворот, он поражен осознанием того, что человек может не испытывать гнева к тому, кто когда-то обидел его, умеет прощать самые сильные проступки. Через данный топос показана трагедия человека, который становится злодеем из-за устройства общества, все человеческое и доброе практически было убито той средой, в которой существовал Васька Красный.

В рассказе «Однажды осенью» физическое насилие представлено через избиение: «А когда он стал её «кредитным», то занялся тем, что отбирал у неё те деньги, которые ей давали другие гости на конфеты, и, напиваясь на эти деньги, стал бить её, – это бы ещё ничего, – а стал «путаться» с другими девицами на её глазах...» [6, с. 72]. Использование этого топоса в данной ситуации усиливает всю безнадежность и темноту в жизни «падшей женщины», так как она постоянно полна ужаса из-за рода деятельности. «Падшая женщина» полюбила и доверилась другому человеку, но он предаёт её и проявляет в отношении неё жестокость и эгоизм: «– Али это мне не обидно? Я не хуже других прочих... Значит, это он издевается надо мной, подлец. Третьего дня я вот отпросилась у хозяйки гулять, пришла к нему, а у него Дунька пьяная сидит. И он тоже под шафе. Я говорю ему: «Подлец ты, подлец! Жулик ты!» Он избил меня всю. И пинками и за волосы – всячески... Это бы ещё ничего!» [6, с. 73]. Несмотря на свою искалеченную и сложную жизнь, многие женщины из публичного дома пытаются полюбить людей, не полностью отворачиваются от мира, в них все еще есть надежда, что когда-то их полюбят, но чаще всего, как мы видим это у А.И. Куприна и А.М.

Горького, девушки в очередной раз становятся обманутыми, их используют как средство заработка, бьют и не пытаются понять их сложную судьбу.

В рассказе «Мальва» физическое насилие представлено через побои, но важно отметить, что оба героя считают это проявлением любви, до этого не было подобной трактовки, «падшие женщины» воспринимали это как оскорбление и унижение. Главный герой совершает побои из-за мысли о фальши «любви», это причиняет боль Василию и он испытывает желание сделать больно Мальве: «– Вот ка-ак?! – свирепо зашипел Василий и вдруг схватил ее за горло. – Так вот что-о? Он встряхивал ее, но она не отбивалась, хотя лицо ее краснело и глаза наливались кровью. Она просто положила обе свои руки на его руку, давившую ее горло, и упорно смотрела ему в лицо. – Так в тебе вон что есть? – хрипел Василий, все свирепея. – А – молчала, шкура... а м обнимала... а – ласки мне... я ж тебе дам! Он пригнул ее к земле и с наслаждением ударил по шее раз, два, – тяжелыми ударами крепко стиснутого кулака. Приятно было ему, когда кулак с размаху падал на ее упругую шею. – На... Что, змея? – с торжеством спросил он ее и отшвырнул от себя» [6, с. 82].

В рассказе «Горемыка Павел» физическое насилие представлено через избиение и крайнюю степень физического насилия – убийство. Избиение усугубляет описываемые условия существования героини, показывается внутренняя боль человека, который никак не защищен от людских издевательств, любой может совершить отвратительный поступок с человеком, только из-за того, что этот человек занимается проституцией.: «Вдруг раздался плач и протестующие выкрики: – Избил... подлец!.. за что избил?!. Я могла требовать... мои деньги!.. могла!.. жулик! три рубля... мне ведь нужно!.. А, ты думаешь, такая она... и надо бить... можно бить!.. нет, ты врешь!.. врешь!.. врешь!.. я тоже... чувствую! ну, я не человек... ну да... не человек... а такая... но ведь я имею право... моё... полное право... требовать... три рубля!!» [6, с. 35]. Опять же показывается, что любого рода унижения усугубляют многолетнюю травму «падшей женщины», которая восклицает,

что она человек, но понимает, что многие так не считают.

Главный герой этого рассказа после этой сцены начинает испытывать отвращение и гнев к «продажной любви». Убийство «падшей женщины» в данном рассказе связано с тем, что главный герой никаким образом не хотел примириться с тем, что человек, к которому он испытывает сильную любовь, может заниматься проституцией. Для Горемыки Павла эта профессия представляла истязание и поругание, он убивает Наталью Ивановну, потому что по-другому не может спасти ее из этой сферы жизни: «– Так как же? – тихо спросила она, едва удерживаясь от рыданий и всё ещё не глядя на него. – А вот так!.. Павел вынул из кармана длинный нож и ткнул его ей в бок, ровно и твёрдо вытянув руку. – Ой!.. – слабо крикнула она, повернулась к нему лицом и повалилась с кровати прямо на него» [6, с. 45].

Другая форма насилия, по мнению А.К. Жолковского, может иметь следующие формы: «Уже само положение проститутки полно институализованного насилия над ней, и многие страницы «Ямы», «Воскресения» и других текстов посвящены этой теме. Мы остановимся лишь на тех формах морального насилия, которые драматизируются в сюжетах. Их не так много, как можно ожидать, ибо рассматриваемые произведения в основном посвящены спасению и героизации проституток. Так, в «Женщине с голубыми глазами» полицейский несколько раз намеревается показать свою власть над проституткой, но каждый раз отступает перед силой ее достоинства. Из других типов «ненасильственной эксплуатации» проститутки упомянем использование ее комнаты для ночлега (примеры из «Тьмы» и «Эльи Исааковича...2 см. выше в 2. 1). Во всех этих случаях манипуляция проституткой находится на грани инсценирования ее жизни (анти)героем. Героиня часто не остается в долгу и с успехом берет «авторскую» роль на себя. Основная форма морального насилия это «(ложное) спасение», под видом которого производится «вторичное совращение» героини. Более безобидный характер носит «выманивание» у клиентов денег и угощений («Яма», «Припадок») и

«вранье» им (см. ниже 7. 1. «Фальшивая исповедь»). На грани полового «извращения» находится сексуальное и финансовое «укрощение» клиентов...» [9, с 352–353].

В повести «Яма» А.И. Куприна моральное насилие реализуется через «ложное спасение» одной из героинь – Любы. Лихонин предлагает Любе выйти из публичного дома, помочь с работой и тд., но после того, как он это сделал, герой начинается разочаровываться в своем поступке, мечтает, чтобы Люба ему изменила и тогда он смог бы выгнать ее без угрызений совести: «– Люба, хочешь ты уйти отсюда со мною? – спросил Лихонин и взял ее за руку. – Но совсем, навсегда уйти, чтобы больше уже никогда не возвращаться ни в публичный дом, ни на улицу? Люба вопросительно, с недоумением поглядела на Женю, точно безмолвно ища у нее объяснения этой шутки. – Будет вам, – сказала она лукаво. – Вы сами еще учитесь. Куда же вам девицу брать на содержание. – Не на содержание, Люба... Просто хочу помочь тебе... Ведь не сладко же тебе здесь, в публичном доме–то! – Понятно, не сахар! Если бы я была такая гордая, как Женечка, или такая увлекательная, как Паша... а я ни за что здесь не привыкну... – Ну и пойдем, пойдем со мной!.. – убеждал Лихонин. – Ты ведь, наверно, знаешь какое–нибудь рукоделье, ну там шить что–нибудь, вышивать, метить?» [12, с. 581].

Уже в самом начале пути по спасению Любы из публичного дома, Лихонин начинает задумываться над тем, что совершил глупость. Сам поступок героя связан не с искренним желанием помочь, а в желании выглядеть лучше в глазах других: «Лихонин многозначительно покрутил головой и сморщился. Теперь, когда поездка, свежий воздух, утро и деловая, будничная, привычная обстановка почти совсем отрезвили его, он начал ощущать в душе смутное чувство какой–то неловкости, ненужности своего внезапного поступка и в то же время что–то вроде бессознательного раздражения и против самого себя и против увезенной им женщины. Он уже предчувствовал тягость совместной жизни, множество хлопот, неприятностей и расходов, двусмысленные улыбки или даже просто

бесцеремонные расспросы товарищей, наконец серьезную помеху во время государственных экзаменов. Но, едва заговорив с Нижерадзе, он сразу устыдился своего малодушия и, начав вяло, к концу опять загарцевал на героическом коне» [12, с. 579]. Лихонин несколько раз проявил свое малодушие: предложил «падшей женщине» начать новую жизнь, при этом он руководствовался только общественным мнением, позже он нарушает договоренность с Любой о том, что они живут как брат и сестра, последнее, что он сделал – поверил в то, что Люба ему изменила и разыграл сцену, о которой долго мечтал, чтобы расстаться с Любой. Однако Люба находилась в тяжелой ситуации: Лихонин хотел прекратить ее «спасение», потому что это было мимолетное желание потешить Эго, а один из учителей постоянно намекал и в конце концов начал предпринимать насильственные действия в сторону Любы, он злился на нее из-за того, что она вела себя недоступно из-за ее бывшей профессии. Тем самым Лихонин и Симановский не помогали Любе преобразиться, а только использовали ее каждый в своих целях, в очередной раз показывая свое отношение к «падшим женщинам».

Еще один вариант морального насилия – инсценирование жизни, а именно – сексуальное и финансовое «укрощение» клиентов. Одна из главных героинь, Женька, говорит о клиентах следующее: «– Все вы дуры! – крикнула она. – Отчего вы им все это прощаете? Раньше я и сама была глупа, а теперь заставляю их ходить передо мной на четвереньках, заставляю целовать мои пятки, и они это делают с наслаждением... Вы все, девочки, знаете, что я не люблю денег, но я обираю мужчин, как только могу» [12, с. 511]. Данная форма морального насилия со стороны Женьки объясняется тем, что никаким другим образом она не может возвыситься над теми, кто каждый день ее унижает, поэтому она любыми способами пытается унижить клиентов, чтобы на короткое время почувствовать власть над собственной жизнью. Через финансовое «укрощение» клиентов Женька пытается утвердить и показать свою власть в жизни, которой не так много, так как профессия лишает женщин хоть какого-то выбора и власти над своей судьбой.

В рассказах А.М. Горького топос «Моральное насилие» представлен следующим образом. В рассказе «Женщина с голубыми глазами»: моральное насилие проявляется через некорректные вопросы полицейского, который не верит, что главная героиня сделала все ради детей, при каждой встрече он пытается как-то задеть героиню, не верит ее словам о том, что у нее есть дети: «– Ну вот и хорошо. И поздравляю... Трудно с непривычки? а? Она вдруг всем корпусом двинулась к нему, лицо у неё побледнело, исказилось, рот как-то округлился, точно она хотела крикнуть, и вдруг снова откинулась от него, – откинулась и приняла старую позу... – Ничего... Привыкну, – ровно и ясно сказала она и, вынув платок, громко высморкалась» [6, с. 26]. Зосим Кириллович получал удовлетворение от того, что оскорблял и унижал главную героиню, это показывает, что герой не способен понять жертвенности поступка, который совершила женщина с голубыми глазами: «И слова, одно другого оскорбительнее, поскакали с его языка в лицо ей. Она побледнела, и её глаза сузились так же, как вчера в трактире. – Вон! – гремел Подшибло, грохая кулаком в стол. – Бог вам судья... – сухо и угрожающе произнесла она и быстро ушла из канцелярии. –Я тебе покажу – судья! – ревел Зосим Кириллович. Ему нравилось оскорблять её. Его выводило из себя это спокойное лицо и прямой взгляд голубых глаз. Чего она притворяется и корчит из себя какую-то фуфыру? Дети?! Чушь. Наглость. При чём тут дети? Гулящая баба приехала на ярмарку продавать себя и ломается зачем-то... Страдалица, по нужде... дети. Кого она хочет этим надуть? Нет силы на открытый грех, она и прикрывает его нуждой. Ф-фа! Скажите!..» [6, с. 27].

В рассказе «Коновалов» моральное насилие реализуется через «ложное спасение», главный герой помогает девушке выбраться из публичного дома, но не осознает до конца смысл того, что делает. Коновалов совершает данный поступок из-за того, что ему жаль эту девушку, но никакого действительного плана по спасению этой девушки у него нет. Когда «падшая женщина» приезжает в город, он отказывается жить с ней, она остается одна

в городе и не знает, что ей делать: «Чай, жалко! Ведь угрызает человек... и всякому, мимо идущему, его жалко» [6, с. 125]. Но своими действиями он не только не помогает девушке вырваться из данной профессии, но еще раз подтверждает мнение «падших женщин» о том, что мир по отношению к ним враждебен, настоящей помощи никогда не будет.

В повести «Трое» моральное насилие реализуется практически так же, как и в рассказе «Женщина с голубыми глазами», судья задает некорректные и уничижительные вопросы, которые никак не связаны с мотивом преступления. Публика в суде оказывает еще большее давление, они постоянно перешептываются, автор проводит сравнение с «змей». Героине требуется проявить огромные усилия для того, чтобы не потерять свое достоинство на суде, она стоически переносит все вопросы, не отвечая ни на один из них: «— Скажите мне... э, Капитанова, — лениво двигая языком и выкатив глаза, как баран, страдающий от жары, говорил прокурор, — да-авно вы занимаетесь проституцией? Вера провела рукой по лицу, точно этот вопрос приклеился к её покрасневшим щекам. — Давно. Она ответила твёрдо. В публике раздался шёпот, как будто змеи поползли. Грачёв наклонился ещё ниже, точно хотел спрятаться, и всё мял картуз. — Как именно давно? Вера молчала, глядя в лицо Громова широко раскрытыми глазами серьёзно, строго... — Год? Два? Пять? —настойчиво допрашивал прокурор. Она всё молчала. Серая, как из камня вырубленная, девушка стояла неподвижно, только концы платка на груди её вздрагивали. — Вы имеете право не отвечать, если не хотите, — сказал Громов, поглаживая усы. Тут вскочил адвокат, худенький человек с острой бородкой и продолговатыми глазами. Нос у него был тонкий и длинный, а затылок широкий, отчего лицо его похоже было на топор. — Скажите, Капитанова, что заставляло вас заниматься этим ремеслом? — спросил он звонко и резко. — Ничто не заставляло, — ответила Вера, глядя на судей. — Мм... это не совсем так!.. Видите ли... мне известно... вы рассказывали мне...» [6, с. 498–499].

В обществе, где судья и большая часть людей осуждает тебя за

«продажную любовь», но при этом никак не помогает прекратить это явление, а только ехидно смеется, «падшей женщине» нет смысла рассказывать свою историю, которая обычно полна трагическими событиями, которые заставили вступить ее на этот путь. Так и в этом рассказе Вера после гнусных вопросов судьи не рассказывает причины, побудившие ее встать на тяжелый путь, но при этом она рассказала их адвокату ранее, он пытался рассказать правдивую историю Веры.

Анализ текстов дает основания сделать следующие выводы и обобщения, связанные с использованием топоса «Моральное/Физическое насилие». Таким образом, художественные тексты А.И. Куприна и А.М. Горького изобилуют описаниями физического насилия, чаще всего это связано с незащищенностью положения «падшей женщины», закон и людское мнение не на ее стороне. Побои и избиения происходят от лица мужчин, уверенных в своей силе и правоте, их отношение к «падшим женщинам» полно пренебрежения и агрессии. Некоторые из них издеваются в силу своего физического превосходства: бесконечные побои без какой-либо причины, просто потому, что у «падшей женщины» нет никаких прав и никто ей не поверит, не поможет, когда она придет в полицию, единственное, что она получит: ехидную улыбку и насмешки. Другие же пользуются своим должностным положением, как полицейский и судья, в рассказах А.М. Горького, хотя, как представители закона должны быть беспристрастны к любому человеку, чем бы он не занимался.

В рассказах А.М. Горького появляется то, что не характерно для А.И. Куприна – побои рассматриваются героями как проявление любви («Мальва»), в рассказе «Горемыка Павел» убийство «падшей женщины» связано с сильным любовным чувством, герой видит только такой способ спасения «грешницы». В других рассказах описание избиения или непосредственное избиение проститутки производят в героях надлом, который способствует дальнейшей эволюции. Если говорить о топосе «Физического насилия», то стоит отметить, что картины всевозможных

избиений представлены у А.М. Горького в большем объеме, чем у А.И. Куприна, все анализируемые рассказы А.М. Горького наполнены физическим насилием со стороны мужчин.

В повести А.И. Куприна «Яма» больше развит топос «морального насилия» со стороны самих «падших женщин», что совершенно не характерно для рассказов А.М. Горького.

Топос «Моральное насилие» реализуется в повести «Яма» в нескольких вариациях, но все они указывают на отсутствие власти над собственной жизнью у «падшей женщины»: ложное спасение оборачивается возвращением в публичный дом, Люба не в силах начать новую жизнь самостоятельно. Другая героиня, Женька, пытается показать свою власть миру через экономическое укрощение клиентов, также через данное действие героиня пытается справиться с внутренней болью, которую ей причиняют клиенты.

В рассказах А.М. Горького моральное насилие раскрывается через ложное спасение, главный герой спасает девушку из жалости, но он не составляет дальнейшую программу действия по спасению «грешницы», что опять может привести девушку в публичный дом. А.М. Горький реализует моральное насилие через власть, в двух рассказах появляется мотив допроса проститутки полицейским/судьей. Данные допросы служат поводом для унижения «падшей женщины» и насмешкой над ее положением.

Анализ трех топосов показал следующее: в повести «Яма» А.И. Куприна топос «История падения» служит безжалостному обличению общественных проблем, а конкретно той, которая заставляет мать или учителя способствовать «падению» юных девушек. Автор прямо указывает на проблемы, существующие в обществе, где ребенок может стать «товаром». В рассказах А.М. Горького топос «Истории падения» определяется социальным фактором, который включает в себя бедность и отсутствие социальных гарантий.

Топос «Детскости» реализуется у А.М. Горького в небольшом

количестве, существует одна реализация данного топоса, которая связана с жертвенностью матери по отношению к собственным детям, остальные же вариации, описанные А.К. Жолковским, не реализуются. В повести «Яма» А.И. Куприна дело обстоит наоборот, можно увидеть большое количество вариаций топоса детскости: детскость в поведении клиентов публичного дома и детскость в описании внешности и поведения «падших женщин». Данный топос реализуется в не в одном конкретном образе, а в нескольких, причем «детскость» наполняет публичный дом изнутри, является его органической частью, связанной с «жестоким игрой», которая происходит каждый день между женщиной и женщиной.

Анализируемые тексты А.И. Куприна и А.М. Горького одинаково ярко реализуют топос «Физического насилия», он самый активный из трех у обоих авторов. Побои и избиения формируют жизнь обитательниц «публичного дома», это самое частое явление, которое происходит в их жизни. Тем самым показан ужас существования «грешниц», которые могут быть избиты без каких-либо причин, только из-за удовлетворения потребности в жестокости.

В рассказах А.М. Горького появляется то, что не характерно для А.И. Куприна, в рассказе «Мальва» понятие любви у героев связано с побоями, в рассказе «Горемыка Павел» главный герой настолько сильно страдает от того, что его возлюбленная принадлежит не только ему, что убивает ее.

Топос «Моральное насилие» у А.М. Горького реализуется через ложное спасение и демонстрацию власти, которая есть у судьи или же полицейского, каждый из них стремится причинить боль «падшей женщине» («Коновалов», «Трое»).

Заключение

Тема «продажной любви» исследуется писателями долгое время, уже в античные времена эта тема заявила о себе и продолжает функционировать в XXI веке. Тема «продажной любви» получила развитие как в русской, так и в западной литературе.

Явление «любви за деньги», которое сопровождалось социальным неодобрением и презрением, все же продолжало существовать на протяжении всей истории развития человечества. Важно отметить, что данное явление разделилось на 2 линии, одна из них соотносилась с религией и ритуалами, была связана с культурой, другая была противоположна ей, так как она соотносилась с социальными проблемами: бедность, отсутствие образования, тяжелые условия труда и т. д.

Тема «продажной любви» начинает возникать уже в творчестве античных авторов, с развитием литературы, данная тема получает все больше внимания. Репрезентация данной темы в европейской и русской литературах кардинально различается. Европейская литература рассматривала тему «любви за деньги» почти с одной точки зрения. Изображение «грешниц» было связано с понятиями позора и изгнания. Русская литературная традиция до XX в., который в культурном плане стал переломным, освещала тему «падших женщин» в христианском ключе., в произведениях часто возникал мотив спасения «грешницы». Позже, в XX в., образ «падшей женщины» почти не реализуется через христианские понятия.

Проанализировав три топоса, можно сказать следующее: в повести «Яма» А.И. Куприна топос «История падения» свойственен тем, что посредством него акцентируется внимание на тех, кто служит катализатором «падения» – мать, учитель, студент. Автор прямо указывает на проблемы, существующие в обществе, так как даже мать может реализовать

собственного ребенка как «товар», а учитель может использовать манипуляции и угрозы для совращения ученика, который считает его важным взрослым в своей жизни.

В рассказах А.М. Горького немного смещен акцент, поскольку там ведущую роль играет социальная обусловленность и неустроенность жизни, которая окружает героинь: бедность, социальная незащищенность и жестокость со стороны остального общества.

Анализ художественных текстов А.И. Куприна и А.М. Горького показал, что Алексей Максимович практически не развивает в своих рассказах топос «детскости», а там, где он его использует, детскость тесно связана с жертвенностью во имя счастья детей. В повести «Яма» Александра Ивановича Куприна топос «детскости» активно функционирует в структуре текста, влияя на восприятие многих образов: автор использует его для подчеркивания невинности и беззащитности «падших женщин», при описании их внешности или поведения. Этот топос подчеркивает ужас того, что приходится испытывать женщинам, которые по своему эмоциональному развитию больше напоминают детей, нежели взрослых личностей, полностью сформированных в умственном плане. Так же «детскость» появляется и при описании нескольких посетителей публичного дома, которые ведут себя неуклюже, испытывают жгучий стыд, краснеют при виде девушек. Топос «детскости» подчеркивает зависимость подобных людей от мнения из мира «взрослых», показывает, что они идут в дом терпимости потому, что их обязывает сделать это «взрослый», которому они подчиняются, как дети.

Художественные тексты А.И. Куприна и А.М. Горького наполнены большим количеством описаний физического насилия, подобные описания вскрывают одну из важных проблем жизни «падших женщин» – абсолютно отсутствующая законодательная защита и полное унижение со стороны основной массы людей. Побои и избиения происходят от лица мужчин, уверенных в своей силе и правоте, их отношение к «падшим женщинам»

полно пренебрежения и агрессии.

В рассказах А.М. Горького появляется то, что не характерно для А.И. Куприна – побои рассматриваются героями как проявление любовного чувства («Мальва»), в рассказе «Горемыка Павел» убийство «падшей женщины» связано с любовью героя, который не понимает психологии поведения «грешницы», внутренне ее осуждает и хочет, чтобы она принадлежала только ему. В других рассказах описание избиения или непосредственное физическое насилие «грешницы» производят в героях надлом, который способствует дальнейшей эволюции. Топос «Моральное насилие» реализуется в повести «Яма» в нескольких вариациях, но все они показывают, что «падшая женщина» не имеет никакой власти и воли для управления собственной жизнью: ложное спасение оборачивается возвращением в публичный дом, Люба не в силах начать новую жизнь самостоятельно. Другая героиня, Женька, пытается показать свою власть миру через экономическое укрощение клиентов, также через данное действие героиня пытается справиться с внутренней болью, которую ей причиняют клиенты.

Таким образом, мы можем наблюдать эволюцию в развитии данной темы. В литературе XIX века преобладала религиозная трактовка образа «падшей женщины», была установка на ее спасение и воскресение, попытка выволить ее из публичного дома. Тогда как в XX в. писатели стали отходить от полностью религиозной трактовки образа «падшей женщины», но гуманизация, которая ярко присутствовала изначально, продолжает функционировать у А.И. Куприна и А.М. Горького с такой же силой, однако иллюзии касательно спасения «грешницы» отходят на второй план, ярко показано общество, которое во многом препятствует этому. Сама же гуманизация проявляется в том, что при создании образа героинь ярко проявляется сострадательность, понимание жертвенности их поступков и тяжести существования в публичном доме.

Список литературы:

1. Анненкова Н.А., Толкачев Д.В. Художественный мир романа «Милый друг» Ги де Мопассана в контексте профессиональных качеств журналиста // Журнал Вестник ОГУ. – 2013. – № 11. С. 205–209.
2. Бабичева Ю. В. Александр Куприн // История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980–1983. Т. 4. Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917). / Ред. тома: К. Д. Муратова. 1983. С. 373–394.
3. Баркова А.Л. Жизнь как произведение искусства: японские куртизанки // Человек. – 2012. – № 3. С. 149–165.
4. Возмилкина В.О. «И милость к падшим призывал...»: тема женского грехопадения в английском романе XVIII–XIX вв. // Журнал Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология – 2014. – вып. 2 (26). С. 88–98.
5. Ганс Лихт. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М.: КРОН–ПРЕСС, 1995. – 400 с.
6. Горький М. Рассказы, наброски 1899–1901 гг. – Полное собрание сочинений в двадцати пяти томах. – М.: Наука, 1970. – Т. 5. – 568 с.
7. Дмитриева И. И. Гейша – носительница традиций Японии // Журнал Дискурс–Пи. – 2004. – Т. 4. – № 1. С. 81–85.
8. Елистратова А.А. Просветительский роман: [Английская литература XVIII в.]. Дефо. Ричардсон. Филдинг. Смоллет // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1983–1994. – На титл. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т. – Т. 5. – 1988. С. 46 – 63.
9. Жолковский А.К., Ямпольский М.Б. «Carte Blanche». – М., 1994.
10. История зарубежной литературы конца XIX – начала XX в. [1871–1917]: Курс лекций: [Для филол. фак. ун-тов и пед. ин-тов] / [Под ред. профессоров

- М. Е. Елизаровой и Н. П. Михальской]. – М.: Высш. шк., 1970. – 622 с.
11. Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна, 1883–1907 / Ф. И. Кулешов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Издательство БГУ, 1983. – 351 с.
12. Куприн А. И. Собрание сочинений в шести томах. Т.V. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 796 с.
13. Литература. 10 класс. Беляева Н. В., Иллюминарская А. Е. – М.: Просвещение, 2008. – 382 с.
14. Литература. 10 класс. Учебник. Базовый и профильный уровни. В 2 ч. Ч. 1 / (В.Г. Маранцман, Е.К. Маранцман, О.Д. Полонская, Н.М. Свирина, Е.Р. Ядровская); под ред. В.Г. Маранцмана; Рос. акад. образования, изд-во «Просвещение». – 5-е изд. – М.: Просвещение, 2007. – 383 с.
15. Литература. 10 класс. Г. Фефилова. – М.: АСТ, 2016. – 445 с.
16. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб. 2008. – 412 с.
17. Мартыненко Н.К. К вопросу об истории проституции в России // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2009. – № 1. С. 270–277.
18. Мельникова Н.Н. Локусы греха в русской литературе XIX – начала XX в. (семантика света и тьмы) // Журнал Вестник РГГУ. – 2013. – № 20 (121). С. 45–51.
19. Мельникова Н.Н. Миф о возрождении грешницы в русской литературе XIX – начала XX века // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2011. – № 11 (113). С. 110.
20. Д. В. Минец. Концепт «Публичный дом» в художественном пространстве повести А. И. Куприна «Яма»: гендерный аспект // *Lingua mobilis*. – 2012. № 5 (38). С. 12–18.
21. Паттанаик Д. Семь секретов Богини: Философия индийского мифа / Перев. с англ. – М.: ООО Книжное издательство «София», 2016. – 288 с.
22. Полное собрание трагедий в одном томе: [пер. с англ.] / Уильям Шекспир. – М.: Эксмо, 2011. – 1280 с. – (полное собрание сочинений).

23. Программа курса «Литература». 5–9 классы / авт.– сост. Г.С. Меркин, С.А. Зинин. – 3–е изд. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2016. – 208 с. – (Инновационная школа).
24. Романенко В.В. Виды проституции в современном российском обществе // Вестник СПбГУ, 2010. – № 4. С. 310–315.
25. Романчук Л. Специфика языкового стиля романа Даниэля Дефо «Роксана»: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.roman-chuk.narod.ru/1/Roxana.htm>. (Дата обращения: 17.11.2021).
26. Русский язык и литература. Литература для 10–11 классов. Авторы программы: Т.Ф. Курдюмова, Е.Н. Колокольцев, О. Б. Марьина, И. В. Сосновская, С. А. Леонов Н. А. Демидова) / Русский язык и литература. 10–11 классы: рабочие программы: учебно–методическое пособие / сост. Е. И. Харитоновна. – 2–е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2015. – 167 с.
27. Синова И.В. Русская литература о «блеске и нищете куртизанок» // История повседневности. – 2019. – № 3 (11). С. 8–25.
28. Симонова О.А. Образ блудницы в феминистской беллетристике начала XX в. // Новый филологический вестник. – 2016. – № 2 (37). С. 86–97.
29. Словарь русского языка: В 4–х т. Т. 1. А–Й. // РАН, Ин–т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4–е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.
30. Смирнова Л. А. Русская литература конца XIX – начала XX века. – М.: Просвещение, 1993. – 381 с.
31. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин–т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд–во иностр. и нац. слов., 1935–1940. – 1562 стб.
32. Чистюхина Ю.С. Институт гейш в Японии: традиция и современность // Система ценностей современного общества. – 2009. – № 6. С. 171–173.
33. Чезаре Ломброзо: Гениальность и помешательство. Женщина преступница и проститутка. Любовь у помешанных. / Ч. Ломброзо: пер. с ит. – Минск: Попурри, 2014. – 640 с.

34. Чуковский К.И. Новая книга А. И. Куприна // «Нива». – 1914. – № 45. С. 867–870.

35. Эрлихсон И.М. «Третья» женщина эпохи нового времени в английском просветительском романе (Даниэль Дефо) // Диалог со временем. – 2013. – № 42. С. 281–307.

Урок литературы в 10 классе «Свет Сониной души» (Образ Сони Мармеладовой в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»)

В современных учебных программах по литературе изучению творчества Ф.М. Достоевского уделяется большое количество часов. Анализ программ показал, что минимальное количество уроков, которое отводится творчеству Ф.М. Достоевского – начинается с 5 уроков, чаще всего общее количество уроков достигает 8. В каждой из рассмотренных программ есть отдельный урок, в котором внимание уделяется образу Сони Мармеладовой, обычно этот урок включает череду уроков по роману «Преступление и наказание», либо является предпоследним. В учебно–методическом пособии Г. Фефиловой отводится 6 уроков [15, с. 357–381], в поурочных разработках Н.В. Беляевой, А.Е. Иллюминарской [13, с. 570–622] – 8 уроков, в УМК В.Г. Маранцмана [14, с. 270–300] 8 уроков, в УМК Т.Ф. Курдюмовой [26, с. 326–357], Г.С. Меркина [23, с. 120–144] предлагается изучение Ф.М. Достоевского в 10 классе.

Роман «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского активно используется в заданиях по ЕГЭ, в открытом банке заданий ФИПИ есть 13 тем для сочинений по данному роману, одна из них: «Кто победил в идейном и нравственном споре: Раскольников или Соня? (По роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»)».

Повесть А.И. Куприна «Яма» и рассказы А.М. Горького, которые были использованы в данной работе, не представлены в УМК, так как тема «продажной любви» сложная и неоднозначная, но в УМК изучается творчества Ф.М. Достоевского, существует отдельный урок, который касается образа Сони Мармеладовой, именно поэтому материалы дипломной

работы будут полезны, в частности классификация А.К. Жолковского, так как мы можем увидеть и топос «История падения», и топос «Детскости», который проявляется в двух планах – она выбирает путь «падшей женщины» из-за того, что переживает за судьбу своих сестер и брата. Данные топосы помогут лучше проанализировать образ Сони Мармеладовой и весь роман в целом.

Конспект урока литературы в 10 классе «Свет Сониной души» (Образ Сони Мармеладовой в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»)

Тип урока: урок построения нового знания.

Вид урока: комбинированный

Формы организации познавательной деятельности: индивидуальная, парная, групповая.

Современные технологии обучения: ИКТ – технологии, здоровьесберегающие; технология проблемного обучения, технология обучения работе в команде и сотрудничества.

Методы: проблемный, частично – поисковый, эвристический

Оборудование: учебник, текст романа, таблица.

Задачи урока:

- **Обучающие:** познакомиться с историей жизни Сони; раскрыть мотивы ее нравственного падения; выяснить, что помогло Соне выжить в «желтом» Петербурге, спасти себя, свою семью и Раскольникова.
- **Развивающие:** вовлечь в творческую работу; активизировать учебно–познавательную деятельность учащихся; развивать умения самостоятельной исследовательской работы; совершенствовать устную монологическую и диалогическую речь; уметь работать с текстом: устанавливать причинно–следственные связи, находить необходимые для доказательства мыслей цитаты, анализировать и интерпретировать эпизоды, делать выводы; уметь сравнивать героев романа и относиться к ним критически; развивать самостоятельность, умения работать в паре и индивидуально; развивать навыки сценического искусства; способствовать формированию и развитию творческих способностей, креативности; формировать коммуникативные компетенции учащихся.
- **Воспитывающие:** воспитывать духовно–нравственные качества: доброту, милосердие, гуманизм, сострадание, любовь; воспитывать бережное отношение к истокам православной культуры; воспитывать стремление к идеалам красоты.

Планируемые результаты.

- *Личностные:* формирование ответственного отношения к обучению, способности к саморазвитию и самообразованию на основе мотивации к обучению; формирование духовного мировоззрения, уважительного

отношения к мировоззрению, вере другого человека и литературного персонажа; освоение норм поведения в социуме; формирование нравственного поведения; использование для решения познавательных задач различных источников информации (словарь, учебник “Литература”).

- *Метапредметные:* умение ставить цели и находить пути их решения; умение понимать проблему, толковать понятия, делать обобщения, сравнивать, строить логические рассуждения, устанавливать причинно–следственные связи, делать выводы; умение работать индивидуально и в паре, организовывать сотрудничество с учителем и одноклассниками; владеть нормами устной и письменной речи.
- *Предметные:* понимание проблемы романа; умение анализировать произведение: определять тему, идею, нравственный пафос, характеризовать героев, сравнивать; приобщение к духовно–нравственным ценностям русской классической литературы; понимание авторской позиции; формулирование собственного отношения к произведению; умение пересказывать, анализировать эпизоды; понимание роли языка в создании художественного образа; формирование эстетического вкуса.

Формируемые УУД (универсальные учебные действия)

- *Познавательные УУД:* умение включаться в исследовательскую и проектную деятельность; выделять тему, проблему, задачи урока, искать необходимую информацию в тексте; составлять характеристику героя, давать ему оценку.
- *Коммуникативные УУД:* умение вести диалог в соответствии с нормами общения; слушать и слышать друг друга; формулировать свою точку зрения на события и поступки героев; формировать монологическую речь; составлять план; читать выразительно вслух, понимать прочитанное, пересказывать фрагменты.
- *Личностные УУД:* развитие личностных особенностей в соответствии с правилами и нормами морали: доброты, любви, сострадания; развитие самоконтроля.
- *Регулятивные УУД:* формирование способности к целеполаганию; развитие регуляции учебной деятельности и саморегуляции (планирование цели и нахождение путей их достижения); формирование ситуации рефлексии – самокоррекции.

Название этапа, цель	Содержание этапа	Виды деятельности	Время
----------------------	------------------	-------------------	-------

		учеников	
Организационный этап	Приветствие учеников и установление дисциплины в классе.	Приветствие учителя, проверка готовности к уроку.	1 минута
<p>Этап мотивация учебной деятельности учащихся и этап целеполагания</p> <p>Цель: подготовить учащихся к восприятию произведения, обеспечить правильность его восприятия, возбудить интерес, создать наиболее благоприятную эмоциональную атмосферу.</p>	<p>Мотивация учебной деятельности. Сообщение темы и цели урока.</p> <p>Слово учителя.</p> <p>Роман «Преступление и наказание» написан Достоевским после каторги. Поиски правды, обличение несправедливого устройства мира, мечта о «счастье человечества» в этот период сочетались в характере писателя с неверием в насильственную переделку мира. Поднимая вопрос о нравственном усовершенствовании каждого человека, писатель обратился к религии. Родион Раскольников и Соня Мармеладова – два главных героя романа, предстающие как два встречных потока. Их мировоззрение составляет идейную часть произведения. Соня Мармеладова – нравственный идеал Достоевского. Она несёт с собой свет надежды, веры, любви и сочувствия, нежности и понимания. Именно таким, по мнению писателя, должен быть человек. Соня олицетворяет собой правду Достоевского. Давайте ещё раз перечитаем страницы романа и убедимся в справедливости этого утверждения или же опровергнуть.</p> <p>Запишем тему урока. Название урока «Свет души Сони Мармеладовой» закрыто. Ученики записывают: «Образ Сони Мармеладовой». Учитель просит вдуматься в тему</p>	Ученики ведут беседу с учителем, слушают вступительное слово учителя, а далее определяют тему урока, цель.	5 минут

	<i>урока и сформулировать цели урока.</i>		
Этап актуализации знаний Цель: получить представление о качестве усвоения учащимися материала	Актуализация опорных знаний Беседа <ul style="list-style-type: none"> • Для чего Ф. М. Достоевскому понадобилось сталкивать своего героя с другими персонажами? • Кто из персонажей играет наиболее важную роль в опровержении идей Раскольникова? 	Ученики ведут беседу с учителем, ведется совместный диалог с классом.	3 минут ы
Этап первичного усвоения новых знаний Цель: организация проблемного диалога для усвоения нового материала. Создание условий для осознания блока новой учебной информации.	Анализ образа Сони. «Какая она, Соня Мармеладова?» 1.Чтение наизусть в исполнении юноши исповеди Мармеладова (ч.1, гл.2, с.55–56: «А тем временем возросла и дочка моя... только плечики да тело всё вздрагивают». Вопросы учителя: <ul style="list-style-type: none"> – О ком эта исповедь? Где кем и при каких обстоятельствах произносится? – Итак, мы впервые слышим о героине из уст отца. Увидим же мы её дважды. Когда? При каких обстоятельствах? <i>Ответы учащихся.</i> 2.Чтение отрывка (ч.2, гл. 7, с. 212) Задание классу: подумайте, какую задачу ставил перед собой писатель, что для него в описании было самым важным? Ученик: Показать профессию Сони, её позорный грошовый наряд. Учитель: Что в Соне не гармонирует с этим уличным нарядом, с её профессией? Ученик: Маленький рост, замечательные голубые глаза, ужас в глазах.	Ученики слушают выразительное чтение, далее отвечают на вопросы учителя, после этого слушают еще несколько отрывков из произведения и находят важные отличия в них.	7–10 минут

3.Чтение 2–го описания Сони (ч.3, гл. 4, с.259–262, выборочно).

Задания классу:

1. Подчеркните авторские описания поведения Сони.
2. Подумайте, что Достоевский хотел подчеркнуть в образе Сони?
3. Где Соня настоящая?

Учитель: Что автор хотел подчеркнуть?

Ответы учащихся: «Сконфузилась», «совсем потерялась, как маленький ребёнок, и даже сделала было движение уйти назад».

«Села, чуть дрожа от страху», «робко взглянула», «...до того испугалась, что вдруг опять встала и в совершенном смущении обратилась...»

«Запнулась и замолчала», «...села и опять робко потерянно...взглянула»

«Губы и подбородок вдруг запрыгали», «...опустив глаза в землю».

Автор подчёркивает детскость, робость, незащитность так ярко, что даже жалко стало её Раскольникову.

Автор вновь подчёркивает голубые глаза Сони.

Учитель: Почему – глаза?

Учащиеся: Именно глаза – зеркало души.

«...зато голубые глаза её были такие ясные, и когда оживлялись они, выражение лица её становилось такое доброе и простодушное, что невольно привлекало к ней»

Автор подчёркивает одухотворённость Сони. В ее глазах отражается ее характер.

	<p>В образе Сони Мармеладовой постоянно присутствует такая характеристика, как детскость. Она проявляется и в портретной характеристике, как мы увидели сейчас, и в восприятии мира Соней, ее душа открыта и наивна, как у ребенка. И именно судьба детей, ее сестёр и брата, подтолкнули ее к профессии по желтому билету, хотя она сама еще была ребенком. Мы не видим типичных характеристик, при описании «грешницы», наряд и выражение лица полны скромности и робости.</p>		
<p>Этап первичной проверки понимания Цель: на этом этапе происходит установление правильности и осознанности усвоения нового учебного материала. Выявление пробелов первичного осмысления изученного, неверных представлений, их коррекция.</p>	<p>Образ Сони Мармеладовой в черновиках Достоевского. Индивидуальное сообщение ученика. (См. п.с.с. т.7, с.90–92)</p> <p>Учитель: Представьте, что именно с такой Соней мы в романе встретились: пьяная, грязная, промышляющая собой. Представьте, что мы увидели оскорбительное, презрительное отношение Раскольникова к Соне.</p> <p>– Что бы это изменило? Почему сам Достоевский от этого отказался?</p> <p>Ученик: Это бы изменило идею всего романа. Образ бы потерял ту гуманистическую идею, которую он несёт.</p> <p>Учитель: И которую нам предстоит сформулировать. Многие писатели обращались к проблеме падшей женщины, но только Достоевский вложил в этот образ гуманистическую идею.</p> <p>– Почему Раскольников, услышав о Соне, дважды увидев её, идёт не к матери, не к сестре, не к другу, а к Соне? Ведь эти встречи с Соней не оставляют для него сомнений в её дальнейшей судьбе.</p>	<p>Ученики слушали индивидуально сообщение, далее происходило рассуждение и беседа по заданной теме. После этого класс представлял домашнее задание, которое они должны были выполнить к данному уроку.</p>	<p>10–15 минут</p>

	<p>– Кстати, какую судьбу он ей пророчит?</p> <p>Ученики находят ответ в тексте: «Ей 3 дороги, – думал он, – броситься в канаву, попасть в сумасшедший дом или...наконец, броситься в разврат, одурманивающий ум и сердце».</p> <p>– Какая из этих 3–х дорог казалась наиболее вероятной?</p> <p>Ученик: Броситься в разврат.</p> <p>Учитель просит запомнить это, держать в голове, потому что очень скоро Раскольников сделает ошеломляющее открытие.</p> <p>Учитель: Итак, Раскольников пошёл к Соне. Почему?</p> <p>Учащиеся: Оба добры, гуманны, милосердны, способны понять боль другого человека, способны сострадать. (О сострадательности Раскольникова говорилось на предыдущих уроках)</p> <p>Оба нуждаются в тепле и участии, обоим не к кому приклонить голову.</p> <p>Оба преступили те нравственные принципы, на которых мир держится.</p> <p>Учитель: Отделив себя от обыкновенных людей, Раскольников ищет родственную душу среди «преступивших». Ему нужен грешник, как и он сам.</p> <p>– Чего не понимает Раскольников?</p> <p>Ученик: Он не понимает, что далеко не всё равно: отдать свою жизнь или отнять чужую. Он уравнил своё и Сонино преступления.</p> <p>– Кто в романе скажет ему об этом с потрясающей убеждённостью?</p> <p>Ученик: Соня.</p>		
--	--	--	--

Учитель: Да, она, Соня. Но обратимся к этому моменту позже. А сейчас послушайте, пожалуйста...

4. Чтение учителем отрывка из ч.4, гл. 3, с. 240–242.

Задание классу перед чтением: подумайте, пожалуйста, с какой целью я это прочла?

«Прошло минут 5... Что же поддерживало её? Ведь этот позор коснулся её только механически; настоящий разврат...не проник в её сердце...наяву».

– С какой целью прозвучал текст?

– Вспомните, какая из 3–х дорог казалась ему наиболее вероятной?

Ученик: Дорога разврата.

Учитель: А что сейчас понял Раскольников?

Учащиеся: Душа Сони, чистая и прекрасная, этого не коснулась. Осквернено только тело, которое она принесла в жертву ради спасения других.

Во имя себя Соня на это не пошла бы. Мучается, мечется сейчас её душа, изболелось сердце.

Учитель: Прав ли Раскольников? Действительно ли жертва Сони была напрасной?

Данное исследование мы проводили по вариантам дома, получив вопросы и задания. Доложите, пожалуйста, о результатах его: 1–ый вариант – «Отец и дочь», 2–ой вариант – «Мачеха и падчерица».

IV. Проверка домашнего задания. Домашнее задание может быть дифференцированным, если в классе есть сильные ученики, то им можно было бы дать задание, связанное с анализом топосов в образе Сони Мармеладовой (давалось бы объяснение касательно того,

что такое топосы, что в себя включают топосы по мнению А.К. Жоловского; ученикам нужно было бы проанализировать 3 топоса – топос истории падения, детскости и морального/физического насилия).

Вопросы для домашнего задания.

Отец и дочь.

1. Раскольников убеждён: никому Соня своей жертвой не помогла. Детей и Соню спасает случайность – деньги Свидригайлова. Что происходит на самом деле? Что видит внимательный читатель?
2. Как написана сцена смерти Мармеладова? На чём сосредоточено внимание автора? Какими переживаниями наполнены последние минуты жизни Мармеладова? Как это его характеризует? Какова его реакция на приход Сони? Душевные движения Мармеладова возникли только что? Чего не может забыть Мармеладов? (Взгляд дочери, когда давала на похмелье 30 копеек.) Почему этот взгляд так перевернул душу Мармеладова?
3. Какой библейский сюжет напоминает покаяние Мармеладова перед смертью? (Раскаяние распятого рядом с Христом разбойника.)
4. Простила ли Соня отца?
5. Напрасной ли была жертва Сони?

Мачеха и падчерица.

1. Есть ли злость, обида на мачеху в Соне?
2. Ценит ли Катерина Ивановна то, что делает Соня для неё и её детей или, по мысли Раскольникова, «поплакали и привыкли... и пользуются»? (Ай да Соня! Какой кладёзь, однако, сумели выкопать! И пользуются! И привыкли. Ко всему—то подлец—человек привыкает»).
3. Какие качества раскрыла Соня Раскольникову в Катерине Ивановне? О чём мечтает Катерина Ивановна?
4. Соня живёт отдельно от семьи, но произошёл ли с семьёй разрыв?
5. Как Соня относится к грубости и побоям мачехи?
6. Какую оценку она даёт истории с воротничками?
7. О чём говорят эти её угрызения совести?
8. Напрасной ли была жертва Сони?
9. Где умирает Катерина Ивановна? О чём это говорит? Смысл её фразы: «Иссосали мы тебя, Соня...»?

Дети, сидящие двумя кругами, соединяются в кружок, в течение 3 минут обсуждают свои наработки, а кто-то один делает сообщение.

1. Заслушивание результатов исследований учащихся

1-го варианта.

2. Слово учителя.

Для атеиста смерть – конец его жизни, для верующего – переход в иное, духовное состояние. Вы правы: Сониная любовь, сострадание, терпение пробудили муки совести, привели к покаянию, а в контексте православного мирозерцания покаяние – это возрождение души, изменение образа мысли.

– Докажите, что и Соня простила отца!

Ученик: Ответ заключён в удивительно ёмкой фразе: «Он умер у неё в руках».

Учитель: Простить и любить заблудшего близкого человека трудно, но возможно. А как полюбить и простить мачеху, вынудившую «на такое дело пойти», загубившую тебе жизнь? Послушаем результаты исследований учащихся 2-го варианта.

3. Заслушивание результатов исследований учащихся 2-го варианта.

Учитель благодарит ребят за работу и спрашивает:

– О чём говорит тот факт, что и Соня мучается угрызениями совести? О чём говорит то, что она не таит зла, что судит себя сурово?

Ученик: Эти угрызения совести говорят о высоте нравственных требований к себе и той большой нравственной работе, которая происходит в душе девушки, стремящейся жить по-христиански.

Учитель: Итак, жертва Сони была напрасной?

Ученик: Нет, и мачеха перед смертью пытается

	<p>искупить свою вину перед Соней. И её попытки приводят к покаянию, а это, как мы уже сказали, есть что? Возрождение души, изменение образа мысли.</p> <p>Учитель: От искренней, самоотверженной Сони исходит тихий свет, который притягивает к ней людей, делает их лучше и чище. Докажите!</p> <p>Ответы учащихся.</p> <p>Как мы можем изменить тему нашего урока после детального анализа образа Сони? <i>«Свет души Сони Мармеладовой»</i></p>														
<p>Этап первичного закрепления</p> <p>Цель: обеспечить закрепление в памяти учащихся знаний и способов действий, которые им необходимы для самостоятельной работы по новому материалу. При закреплении повысить уровень осмысления изученного материала, глубины его понимания.</p>	<p>Характеристика героев романа. Работа в паре, ученикам нужно найти ошибки в характеристиках героев, соотнести правильно.</p> <p>Правильный вариант</p> <table border="1" data-bbox="667 842 1626 1423"> <tr> <td data-bbox="667 842 1111 999">Соня Какая она?</td> <td data-bbox="1111 842 1626 999">Раскольников Какой он?</td> </tr> <tr> <td data-bbox="667 999 1111 1091">верующая</td> <td data-bbox="1111 999 1626 1091">без Бога в душе</td> </tr> <tr> <td data-bbox="667 1091 1111 1184">сильная</td> <td data-bbox="1111 1091 1626 1184">запутавшийся</td> </tr> <tr> <td data-bbox="667 1184 1111 1276">преданная</td> <td data-bbox="1111 1184 1626 1276">эгоистичный</td> </tr> <tr> <td data-bbox="667 1276 1111 1369">гуманная</td> <td data-bbox="1111 1276 1626 1369">лелеявший страшную теорию</td> </tr> <tr> <td data-bbox="667 1369 1111 1423">способная на</td> <td data-bbox="1111 1369 1626 1423">с трудом «отрывающийся»</td> </tr> </table>	Соня Какая она?	Раскольников Какой он?	верующая	без Бога в душе	сильная	запутавшийся	преданная	эгоистичный	гуманная	лелеявший страшную теорию	способная на	с трудом «отрывающийся»	<p>Ученики анализируют таблицу и находят ошибки в характеристиках героев. Далее ученики выбирают цитату, которая по их мнению лучшим образом характеризует образ Сони Мармеладовой.</p>	<p>5 минут</p>
Соня Какая она?	Раскольников Какой он?														
верующая	без Бога в душе														
сильная	запутавшийся														
преданная	эгоистичный														
гуманная	лелеявший страшную теорию														
способная на	с трудом «отрывающийся»														

	самопожертвование	теорию от себя		
	мужественная	нервный		
	чуткая душой	раздражительный		
	наделенная даром бесконечного сострадания к людям	сотканный из противоречий		
	искренняя	скрытный		
	скромная	замкнутый		
	Вариант с ошибками			
	Соня Какая она?	Раскольников Какой он?		
	верующая	без Бога в душе		
	запутавшаяся	сильный		
	преданная	эгоистичный		

	гуманная	лелеявший страшную теорию		
	способная на самопожертвование	с трудом «отрывающий» теорию от себя		
	нервная	мужественный		
	чуткая душой	раздражительный		
	наделенная даром бесконечного сострадания к людям	сотканный из противоречий		
	искренняя	скрытный		
	замкнутая	скромный		
	<p>Какая из данных цитат может лучшим образом охарактеризовать Сою?</p> <p>1. Нравственный идеал у меня один – Христос. (Ф.М. Достоевский)</p> <p>2. Для него человек есть не только психологическое, но и духовное существо. (Н. Бердяев)</p> <p>3. Береги себя, отдай всё, что у тебя есть, продай себя, опозорь и загрязни себя, но спаси, утешь и поддержи этих людей, накорми и обогрей их хоть на неделю во что бы то</p>			

	<p>ни стало. (Д.И. Писарев) Завершая урок, учитель говорит о том, что образ «падшей женщины» не ограничивается только образом Сони Мармеладовой, мировая литература не один раз обращалась к отражению темы «продажной любви». В курсе школьной программы по литературе учащиеся будут анализировать произведение А.М. Горького «На дне», где опять же встречается образ «грешницы» в лице героини Насти.</p>		
<p>Рефлексия Цель: самооценка учащимися результатов своей учебной деятельности, осознание открытий, которые произошли для них на уроке</p>	<p>После анализа таблицы и выбора цитаты, мы завершили урок итоговым обобщением и высказыванием по форме «Мне понравилось на уроке», «Мне было сложно», «Я открыл для себя».</p>	<p>Ученики высказывают свое мнение и чувства от прошедшего урока, делают выводы о собственной работе на данном уроке.</p>	<p>2–3 минут ы</p>
<p>Домашнее задание</p>	<p>Написать эссе по цитате, которая была выбрана, как лучшая цитата для характеристики образа Сони Мармеладовой.</p>		<p>1–2 минут ы</p>

1. Воропановские чтения: материалы II Международной научно–практической конференции. Красноярск, 13 ноября 2021 г. // С.Г. Липнягова, Т.А. Полуэктова (отв. ред.), Н.С. Шалимова. – Электрон.дан. // Красноярск. гос. пед. ун–т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2021.

Тема доклада: «Тема продажной любви в повести «Яма» А.И. Куприна».

2. XXIII Международный научно–практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века», «Актуальные проблемы современной филологии», 25 апреля 2022 года (отдана в печать).

Тема доклада: «Гуманистические аспекты в создании образов «продажных женщин» в творчестве А.М. Горького и А.И. Куприна».